

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УВАЖЕНИЯ К ПРАВОСУДИЮ

Симпозиум

(Извлечение)

Мартин Райт

Мартин Райт занимает должность Директора Лиги Ховарда за реформу пенитенциарной системы, работает советником в центре поддержки жертв преступлений и библиотекарем в Кембриджском институте криминологии.

Введение

Проблема преступности всегда находится в центре внимания общества. Преступления могут затронуть нас самих или наших близких в любое время, и, как минимум, эта проблема накладывает на нас множество ограничений и запретов, заставляя нас устанавливать сигнализации, запираеть замки и, в определенной степени ограничивать свободу передвижения — в особенности, как это ни грустно — в отношении женщин и детей, что справедливо отмечает Политик. На некоторых людей преступность оказывает не просто определенное «воздействие»: их жизни оказываются разрушенными или даже прерванными. Поскольку преступность доставляет неприятности всем людям, она является предметом очень эмоциональных споров, но также заслуживает и тщательного осмысления, а это не всегда происходит на практике — трудные случаи, так сказать, формируют плохую политику.

Многие страны в значительной степени полагаются на систему тюремного заключения, а в некоторых из них количество заключенных быстро растет. Эта дорога ведет к репрессиям, не искореняющим проблему — самую тяжкую проблему западного общества. Некоторые политики утверждают, что эта система работает, потому что не могут предложить никакой альтернативы или, даже если такая альтернатива у них есть, им сложно убедительно представить ее избирателям. Понятно, что нам нужно поставить под сомнение предположения, на которых строится вся доктрина и предложить более реалистичный способ для современного государства и его граждан, который помог бы двигаться к более гармоничному обществу.

Настало время сделать еще один шаг вперед в этой дискуссии, поэтому мы собрали данный Симпозиум, на который пригласили некоторых специалистов из важных областей системы правосудия, чтобы они высказали свои соображения и обсудили дальнейшие возможные действия. Система уголовного судопроизводства столь сложна, что в отведенное время нам не удалось послушать абсолютно все возможные точки зрения, и нам известно, что некоторые очень важные государственные и общественные организации не были приглашены сюда для доклада; тем не менее, их точку зрения во многом осветили другие ораторы, а представители таких организаций имели возможность участвовать в дискуссии и задавать вопросы. Все заседания проходили по правилам Чатем-Хауса: т.е. каждый выступает только от своего лица и не может поименно цитировать выступления других ораторов за стенами зала заседаний. В данном отчете основные ораторы указаны только по названиям их профессий, а прочие участники дискуссии не названы вовсе. Мы имели возможность выслушать семь ораторов. Политик говорит о концепции «тюрьмы эффективны», основанной на изоляции преступников от общества, и предлагает схему финансовых поощрений для создания ресурсов не-тюремного типа. Психолог рассматривает сдерживание преступности за счет индивидуального сдерживания. Это — концепция, основанная на широко распространенном представлении о том, что наказание предотвращает определенные формы поведения. Психолог также рассматривает систему уголовного судопроизводства в свете психологических исследований, являющихся альтернативой предположениям, которые делаются без учета существующих фактов, и которые в любом ином контексте юристы объявили бы немислимыми. Основной альтернативой наказанию уже более ста лет считается реабилитация, и Инспектор службы пробации рассматривает сильные и слабые стороны этой концепции. Государство активно работает над внесением изменений в нее, но следует ответить на вопрос: является ли контроль хорошей или, хотя бы, адекватной заменой? Четвертый оратор — Сотрудник службы поддержки потерпевших, которые рассматривает недавно принятые меры, направленные на то, чтобы сделать процесс уголовного судопроизводства менее суровым испытанием для потерпевших, хотя все равно остается вопрос о том, могут ли такие реформы быть адекватными, если не менять основу системы. Далее, Судья объясняет дилеммы, которые существуют для нее и ее коллег в сложившейся ситуации, в особенности в области политики общего сдерживания.

Последними выступили Философ, которого попросили осветить рациональность и этику различных способов реагирования на преступление, причем особо попросили остановиться на идее пропорционального «справедливого возмездия», и Медиатор, который в практических терминах описал систему, основанную на новом философском подходе и попытался ответить на некоторые вопросы, которые могут возникать у людей. Всех выступавших попросили представить свои взгляды и опыт в обычных, не специальных терминах, чтобы их лучше могли понять представители других профессий.

Также, в дискуссии принимал участие Государственный служащий, который, конечно, не высказывал мнений, но давал кое-какую справочную и статистическую информацию, комментируя высказывания ораторов.

Несколько стилистических комментариев. Во-первых, большой вопрос употребления рода существительных. Мы постарались избежать неуклюжего повторения конструкций вроде «ее или его» или употребления множественного числа по отношению к одному человеку, к тому же, постоянное переключение от женского рода к мужскому, и наоборот отвлекает читателя. Преступников и потерпевших мы называем в мужском роде, поскольку большинство правонарушителей — мужчины (а равно, и большинство жертв преступления), тем не менее, время от времени мы упоминаем: «он или она», чтобы напоминать о гендерной разнице. Мы надеемся, что это приемлемый компромисс. Во-вторых, для простоты, мы использовали термин «судья» как общее название для собственно судей и для других членов судов и магистратов. В третьих, вы можете отметить сходство стиля в выступлениях различных ораторов: это вызвано тем, что большинство из них выступало, используя письменные материалы, которые впоследствии скомпоновал Редактором. Также были добавлены заголовки и ссылки на источники, что, как мы надеемся, упрощает чтение.

И, наконец, стоит отметить, что данный Симпозіум проходил в контексте британского общества и брал за основу всех выкладок организации и законодательство Англии и Уэльса. Во многих случаях все это будет применимо и к Шотландии, у которой, естественно, есть своя законодательная система, а часто — и к другим странам. Мы постарались показать понимание этого аспекта, начиная некоторые фразы с вводных слов «в Британии,...», чтобы подчеркнуть наше понимание существования различных обстоятельств в различных культурах и юрисдикциях. Мы добавили несколько объяснительных примечаний для того, чтобы помочь читателям из других стран лучше понимать данную работу.

Ниже мы представляем отчет о Симпозіуме. Конечно же, это всего лишь начало; участники пришли к общему мнению, что необходимо создать Гражданскую комиссию по вопросам преступности и правосудия, мы также призываем правительства в других странах к созданию таких же комиссий у себя. Мы были удовлетворены известием о том, что в повестку дня грядущего Конгресса ООН по предотвращению преступлений и работе с преступниками, были включены вопросы восстановительного правосудия.

СЕССИЯ 1

ПОЛИТИК

Как политик, скажу, что одна из наиболее важных задач для меня — это построение гармоничного общества. Мы никогда не избавимся от конфликтов, как таковых, да и жизнь без них была бы пресной (вот почему некоторые из нас с сомнением относятся к Утопии!). Но, тем не менее, мы хотим сделать так, чтобы люди прекратили несправедливо и нечестно использовать положение друг друга, что, если вдуматься, и является составной частью определения преступности. В другом контексте это может описывать факторы давления, приводящие людей к преступлениям. Многие преступления, хотя, конечно, далеко не все, совершаются людьми, которые сами прошли через жестокое или несправедливое обращение — возможно, они были обделены родительской заботой и вниманием учителей или лишены возможности получить образование, а может быть, их эксплуатировали экономически или жестоко наказывали физически. Они пытаются получить то, на что имеют право — по их мнению — используя для этого любые доступные им способы. Это не оправдывает их, если отталкиваться от концепции свободы выбора, но помогает объяснить поведение некоторых нарушителей закона — в настоящее время политики не очень хорошо различают эти две вещи — а, следовательно, этот фактор нужно принять во внимание, если мы хотим уменьшить число совершаемых преступлений.

Однако это переносит нас в область общей социальной политики. Как представителю министерства внутренних дел, мне следует фокусироваться непосредственно на преступности. Я стремлюсь к снижению уровня преступности, насколько это возможно, как и все мы, и, давайте уж будем честны, я хочу, чтобы мои усилия по решению этой проблемы были заметны, что означает снижение статистических показателей в отношении преступности, в особенности тех статей, которые вызывают в обществе страх и него-

дование. Во-вторых, я хочу, чтобы проводилась удовлетворительная работа с теми проблемами, которые остаются. В существующей ситуации, нам также следует удерживаться в рамках отведенного бюджета, и, естественно, мы стремимся не нарушать стандарты гуманности, устанавливаемые международными конвенциями по правам человека, особенно теперь, когда европейская конвенция включена в законодательство Великобритании.

Сокращение преступности

Если начать с чаще всего обсуждаемой санкции, следует сказать, что тюремное заключение имеет определенные преимущества в глазах политиков, хотя, в то же время, это наиболее дорогостоящий вид наказания, за исключением, разве что процесса, который используется в США для приведения в исполнение смертных приговоров (по словам одного эксперта (Ходжкинсон, 1996), в пять-десять раз дороже, чем тюремное заключение на срок 40 лет). Приговоры к лишению свободы создают видимость того, что мы «что-то делаем». Когда Майкл Ховард был Министром внутренних дел, он получил поддержку в определенных районах под лозунгом «Тюрьма решает проблемы» и «Если не хочешь сидеть, не преступай закон». В США множество судей и прокуроров (окружных прокуроров) избираются на свои должности и им проще собирать голоса, если они занимают подобную простую и понятную позицию, по сравнению с тем, если бы они попытались просвещать свой электорат. Это в особенности так, если оппозиционная партия безжалостно изображает гуманность как слабость — с чем пришлось столкнуться в 1988 году губернатору Массачусетса Майклу Дукакису, когда он стал кандидатом на президентских выборах от Демократической партии: его республиканские оппоненты обвиняли его в том, что он условно освободил Вилли Хортон, которого приговорили по делу об изнасиловании, и он, пребывая на свободе, совершил еще одно изнасилование. Билл Клинтон избежал подобной ошибки: хотя он начал свою кампанию, как либеральный губернатор Арканзаса, исповедовавший милосердие, став кандидатом в президенты, он вернулся в свой родной штат, чтобы подписать смертный приговор Рики Рэю Ректору, который — совершенно очевидно — должен был быть признан невменяемым.

Министры внутренних дел в Великобритании любят такие газетные заголовки, как «Бэйкер предпринимает меры для устранения угрозы, исходящей от опасных собак», их двумя основными методами является изобретение новых статей кодекса и увеличение наказания по уже существующим. Однако это рискованные стратегии, потому что чем больше статей в Уголовном Кодексе, тем больше преступлений в статистических отчетах, а изоляция все большего количества людей дает только временную передышку. Министр внутренних дел от Консервативной партии сказал некогда фразу, ставшую знаменитой: «Тюрьмы — это очень дорогой способ сделать плохих людей еще хуже» (МВД, 1990). (Жаль портить такой афоризм, но, по сути, он должен был сказать «сделать так, чтобы люди вели себя еще хуже», потому что я не думаю, что люди имеют право судить своих соплеменников — осуждать можно только их поведение).

Общество считает, что то, как мы обращаемся с осужденными, является важным условием сдерживания преступности, и принято мнение, что эффективны жесткие меры, а в особенности — тюрьмы. Лично я в этом сомневаюсь, и существующие исследования тоже не слишком поддерживают эту идею. В конце моего доклада я попрошу Государственного Служащего подытожить статистику некоторых таких исследований. Политики должны иметь возможность заявлять, что их политика базируется на данных научных исследований, но я не могу открыто поддерживать замену тюремного заключения противоречивыми мерами, которые не выглядят достаточно «жесткими», если только я не могу их сделать приемлемыми для широкой публики. Они также должны быть разумно защищены от неконструктивной критики со стороны политиков-ретроградов и бульварных газет, которые любой ценой ввязываются в горячие дискуссии, чтобы «заработать себе очки» и утвердить своих избирателей в существующих у них предубеждениях, завоевывать, таким образом, голоса и продавать тиражи газет.

Процедура работы с обвиняемыми также важна. Нет ничего проще, чем требовать жестких мер и насмехаться над требованиями в отношении приведения процесса в соответствие с нормами гуманности, называя это мягкотелостью. Однако те проводники правосудия, которые попирают нормы закона, являются лицемерами. Они подводят нас, в буквальном смысле слова, к презрению правосудия, а также к несправедливым приговорам, которые не защищают общество никоим образом, потому что оставляют правонарушителей на свободе.

Есть еще одна народная мудрость, обоснованная на этот раз с точки зрения криминологии. Она гласит, что страх поимки превышает страх наказания, которое последует за поимкой. Только три процента правонарушений заканчиваются предупреждением или обвинительным приговором, и люди, которые постоянно совершают правонарушения, лучше других знают, как часто это сходит им с рук. Ужесточать наказание — все равно, что давить на газ, когда машина застряла в болотистой почве: когда колеса проворачиваются, они разбрасывают кучи грязи, но сама машина только глубже вязнет и никуда не двигается.

Вот что происходит с теми, кто воображает, что суды имеют «силу», которая способна изменить уровень преступности. Они могут вводить санкции, но мало что способны сделать для контроля отношения и поведения людей, к которым применяются такие санкции.

Попытка контролировать волну преступности при помощи приговоров суда напоминает мне историю Короля Кнута.

Почти все знают о Короле Кнуте одну вещь, и большинство неправильно ее понимает. Популярная версия этой истории гласит, что его трон был поставлен на берегу моря, и он с трона приказывал приливным волнам повернуть вспять, из-за чего стал посмешищем после того, как море не отступило. На самом же деле все было по-другому. Он не надеялся, что сможет контролировать прилив. Он был жестким и, вместе с тем, популярным руководителем, но когда его придворные льстецы стали говорить о его всемогуществе, он как раз и проделал вышеописанное — приказал поставить трон на берегу, сел на него, и заставил их стоять в воде и замочить ноги, когда непокорный прилив отказался повиноваться королевскому приказу.

Урок, преподанный Королем Кнутом, похоже, не пошел впрок, в контексте сегодняшней работы судов, так как по-прежнему звучат требования к введению «жесткой» политики — частично из-за жажды мести, но частично из-за того, что люди верят в ее эффективность, а политики хотят продемонстрировать свое соответствие общественному мнению.

Тюрьма, как средство изоляции от общества

Но уж если быть справедливым по отношению к нам, политикам (а кто, как не я должна быть справедливой к коллегам?), не все они только демонстрируют что-то. Даже самые либеральные реформаторы карательной системы признают, что некоторых людей просто нельзя оставлять на свободе, если существует существенный риск совершения ими повторного серьезного преступления. Что касается менее серьезных нарушителей, которые, однако, склонны к рецидивам, тюрьма, как говорят судьи, «дает обществу отдохнуть от их деятельности» — пусть даже это только короткая передышка, потому что они скоро выйдут на свободу или их место в преступном мире займут другие люди. Поэтому я искренне не думаю, что можно разумно быть полным аболиционистом в том, что касается тюрем, да и со смертной казнью все обстоит так — ее невозможно было бы отменить, если бы тюрьмы не были альтернативой.

Платить по счетам

Мы все в настоящее время имеем лимиты финансирования, хотя некоторые министры внутренних дел часто могут использовать страх преступности и беспорядков для того, чтобы «выбивать» дополнительные средства: Джек Стро, например, получил дополнительно 43 миллиона фунтов стерлингов вскоре после того, как занял пост министра внутренних дел в мае 1997 г. и еще 100 миллионов фунтов в начале 1998 г., несмотря на новую политику лейбористского правительства, нацеленную на то, чтобы удержаться в рамках затратной части бюджета предыдущей консервативной администрации. Потенциальным средством для того, чтобы «поторговаться», являются угрозы бунтов в местах лишения свободы. В контексте финансовых ограничений, тюрьмы, конечно же, очень дорогое «удовольствие» — Государственный Служащий может дать вам соответствующую статистику немного позже. На каждых троих заключенных приходится по два сотрудника управления тюрем (по данным МВД, 1998а), поэтому вы можете сами прикинуть примерно, во сколько обходится содержание 65 тысяч заключенных — в терминах зарплаты тюремного персонала. Поэтому расходы могут стать одним из главных аргументов для реформаторов, если они смогут обойти стандартное сложившееся отношение к пенитенциарной системе, о котором я упомянула. Одним из полезных решений является преодоление бюрократических препятствий на пути переброски средств из бюджета в бюджет. Я знаю, что МВД собиралось проводить реструктуризацию (МВД, 1998b) и хотела бы предложить вам практически применимую версию оплаты по результатам, которую можно было бы использовать для достижения этой цели.

Система уголовного судопроизводства — перевод средств

Данный вопрос, связанный с затратами, следует рассмотреть, поскольку он представляет важность не только для уголовного судопроизводства, но и для других аспектов политики, например, таких, как уход за амбулаторными больными в сообществах. Принцип прост. Если вы находите, что больные или заключенные содержатся в закрытых (и дорогих) заведениях, и вы хотите перевести некоторых из них в менее закрытые (и менее дорогие) условия надзора при помощи общественных организаций, которые финансируются из других бюджетов, у вас ничего не получится, если только часть сэкономленных средств не будет переведена из первого бюджета во второй, и если только Министерство финансов не согласится принять менее 100% сэкономленных средств.

Давайте посмотрим, как это все применимо к системе уголовного судопроизводства. Исследование, проведенное среди людей, отбывающих наказание, показало, что, в соответствии с общепринятыми критериями, многие из находящихся в местах лишения свободы по большинству объективных стандартов могли бы не содержаться в изоляции — совершенные ими преступления не слишком тяжкие, не являются общественно опасными, а сами преступники не привлекались ранее к суду. В 1996 году 94,5 тысячи человек были приговорены к лишению свободы в Англии и Уэльсе, из них только 15,4 тысячи были осуждены за насильственные преступления или преступления на сексуальной почве (МВД, 1997: Таблица 7.6). Во многих случаях их потребности могли бы более эффективно (и с меньшими затратами) удовлетворяться в обществах, а ведь, если они хотят начать жизнь заново, им обязательно нужна поддержка общества.

Хотя суды принимают решения в отношении лишения свободы, на эти решения все же оказывают воздействия доклады о личности и обстоятельствах жизни подсудимого (PSR), которые предоставляют Инспекторы службы пробации перед вынесением приговора. Но если такие факторы иногда приводят к замене заключения общественными работами в пограничных (т.е. сложных) случаях, инспекторы службы пробации знают, что именно им придется работать с такими осужденными — без дополнительного финансирования — в то время, как все преимущества сокращения затрат достанутся пенитенциарной системе. Тем не менее, если общественные работы станут использоваться в качестве альтернативы лишению свободы, общественность должна знать, что такая замена, в целом, эффективна. Вот как предлагается сделать это:

1. Определить категории преступников, для которых служба пробации могла бы разработать конструктивные общественные программы, предлагающие более эффективные средства поддержки, в которой они нуждаются — по сравнению с тюрьмами — например развитие профессиональных навыков, ликвидация неграмотности, обучение счету, программы управления сильными эмоциями гнева, адаптация в сообщество и помощь в трудоустройстве. Существуют еще такие варианты, как репарация в пользу жертв или сообщества и при обоюдном желании, медиация между жертвой и преступником.
2. Будет создан фонд, в который служба пробации сможет обращаться за получением грантов. При каждом снижении количества заключенных в тюрьмах ниже начального уровня в фонд будут делаться отчисления *per capita* или, например, в размере 50% от стоимости одного тюремного места, причем остаток средств будет перечисляться в Министерство финансов для профилактики преступности — в самом широком смысле — включая наставничество и надзор за школьниками, просветительскую работу среди родителей и прочие долгосрочные инвестиции. Средства службы пробации будут использоваться также для специальных проектов, а не просто поглощаться в ходе рутинной повседневной работы.
3. Таким образом, у энергичных инспекторов службы пробации будет стимул искать пути повышения эффективности услуг, в которых существует потребность на местах: помимо пользы для потребителей таких услуг, будет также обеспечиваться удовлетворенность инспекторов своей профессиональной деятельностью и повышение их профессиональной репутации.
4. Программы будут иметь определенные критерии допуска к ним и независимую оценку, с тем, чтобы обеспечить их правильное использование. Знание того, что их применение четко регламентируется, сделает их приемлемыми для судов и для общественности, в особенности, если в них будут заложены элементы репарации.

Данное предложение основывается на системе, которая применялась в Калифорнии в 1960-х годах. За пять лет на нее было потрачено 60 миллионов долларов и сэкономлено 180 миллионов долларов на закрытии существующих тюрем и отмене открытия новых. В то время это были огромные деньги. В конце концов, эта программа пришла в упадок, но не из-за заложенных в ней недостатков, а по субъективным причинам, которые можно было бы устранить: например, такая программа должна базироваться на числе заключенных, а не на статистике новых поступлений в места лишения свободы, а финансирование должно корректироваться с учетом инфляции.

Когда по первым делам будут даны направления на такие программы - вместо отбытия наказания в местах лишения свободы - нам удастся, для начала, лишь сократить перенаселение тюрем. Экономия вначале будет невелика, однако дальнейшие существенные сэкономленные средства позволят урезать затраты на строительство новых тюрем, а после того — закрыть некоторые отделения и даже целые тюрьмы (Райт, 1982, 152-6).

Даже у преступников есть права

Вопрос прав человека не пользуется особой популярностью среди политиков и в обществе — его важность сильно недооценивается, особенно, в контексте пенитенциарной системы. Но даже британская об-

щественность протестует против определенных эксцессов, таких, как случай, когда беременную осужденную правонарушительницу приковали к кровати в больнице, когда она рожала, за что ей выплатили 20 тысяч фунтов компенсации (*Guardian*, 10 июня 1998 г.), и как заковывание в наручники человека, умирающего от рака, в связи с чем его семье выплатили компенсацию в размере 25 тысяч фунтов (*The Times*, 18 июня 1998 г.). Несмотря на эту огласку, еще одну женщину-заключенную, страдавшую рассеянным склерозом, приковали на 13 дней к больничной кровати после того, как она перенесла инсульт (*Guardian*, 10 июля 1998 г.). Европейский Суд по правам человека продемонстрировал в последние три десятилетия, что его стандарты — более жесткие, и правительству, которое претендует на поддержку законности и гуманизма, также настоятельно рекомендуется избегать практики, которая может вызвать очередной протест со стороны наших европейских коллег.

Но пусть я и не согласна с тем, что тюрьмы могут быть отменены вовсе, я соглашусь, что они не являются ни удачным решением, ни каким-либо отдельным компонентом такого решения. Мы должны вести поиск в других направлениях, если хотим всерьез попытаться сократить преступность.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

В свете всего сказанного я хочу предложить стратегию из пяти пунктов.

Риторика

1. Я буду продолжать говорить на языке жесткого подхода, поскольку, нравится вам это или нет, именно этого хочет большая часть общества, и следовательно, я обязана учитывать это, чтобы завоевать голоса сторонников моей партии, не говоря уже о сторонниках других партий. Как я уже говорила, политические оппоненты и популярная пресса без колебаний подвергает осмеянию все, что пахнет (если так можно сказать) «мягкотелостью». Но я должна тщательно подбирать слова. Я буду говорить о жестких действиях, а не мерах наказания, и если я буду использовать такое выражение, как «полная нетерпимость», я буду иметь в виду только то, что правонарушения не будут игнорироваться, не подразумевая при этом, что наказание будет жестким. Однако я также сделаю акцент на важности профилактики преступности и на том факте, что для этого нужны не только меры, предпринимаемые правительством, деньги или охранное оборудование, но также и всевозможные совместные усилия различных категорий населения: начиная с организации работы с молодежью до отказа от покупки вещей «с рук» без выяснения их происхождения.

Тюрьмы

2. Кроме того, по тем же причинам, я не буду выдавать себя за сторонника отмены тюрем. Для тюрем найдется место — и не только для содержания серийных убийц. Я напомним либеральным реформаторам об одном «неудобном» факте. Один из примеров неэффективности устрашения относится еще к эпидемии грабежа с удушением жертвы, которая разразилась в конце 1862 года. Стандартная версия этой истории выглядит так: имела место целая эпидемия грабежей, при которых преступники нападали на прохожих и душили их (что доказывает, что подражатели всегда находятся и без шумихи в прессе). Сначала было увеличение числа зафиксированных преступлений, что вызвало панику в таких газетах, как *The Times*, *Punch* и в рядах их читателей. Это, вероятно, было вызвано тем, что полиция взялась за работу ввиду возникшей нервозности, и не отражало реального роста уличной преступности. Правительство — как это обычно бывает — поспешило выпустить новый закон, документ с безнадежно утопическим названием «Закон о защите от насилия», также известный как «Закон о душеителях», в соответствии с которым возобновлялась такая мера наказания, как порка плетью, отмененная только в 1861 году (Пирсон, 1983: 142-155). Однако затем количество преступлений, совершенных с применением удушения, уменьшилось, как триумфально заявляли реформаторы, причем уменьшилось оно еще до того, как законопроект получил статус закона 13 июля 1863 года — в преступном мире тоже есть своя мода, она преходяща, и такой вид преступлений вышел из моды до того, как был введен новый метод устрашения. Но вот почему общее количество преступлений уменьшилось? Потому что банды были пойманы полицией. Таким образом, данный эпизод может быть аргументом в пользу эффективности не устрашения, но изоляции. Конечно, возможно, это было лишь краткосрочное преимущество и, учитывая, что в те времена практиковалось заключение в одиночной камере и не было никаких мер адаптации преступника к сообществу после освобождения, я не стану отрицать, что многие были вынуждены вернуться к старому образу жизни, но, тем не менее, в сложившейся ситуации мероприятия, проведенные полицией, были необходимы и оказались эффективны, даже если сам «Закон о душеителях» не был эффективен.

Что ж, если устрашение не слишком эффективно, то что можно сказать об изоляции? Ведь существуют люди, которые — даже с точки зрения либеральных реформаторов — нуждаются в длительной (или да-

же пожизненной) изоляции. Во время срока лишения свободы преступников, совершивших менее тяжкие преступления, общество отдыхает от их деятельности. Такова основная линия общественного мнения, полагают политики. Однако, те из нас, кто «сделал домашнее задание», знают, что по статистике МВД, после того как количество заключенных становится значительным, уровень преступности падает медленнее. Государственный Служащий даст вам статистические данные. В любом случае, как поспешат сообщить нам реформаторы, почти все заключенные выйдут когда-нибудь на свободу, став еще более антиобщественными элементами, чем прежде. Жесткая политика может добавить элемент устрашения к эффекту изоляции, но это не увеличит темпов снижения преступности.

Логика здесь заключается в том, что нужно меньше использовать тюрьмы и чаще заменять их общественными программами, чтобы попытаться изменить поведение преступников. Реформаторы утверждают, что если заставить преступника взглянуть в глаза реальности, это будет для него более тяжким испытанием, чем просто бездумная отсидка. Тем не менее, это не аргумент для среднего гражданина — обычно, трудолюбивого, дисциплинированного налогоплательщика правоцентристских взглядов, а именно такие люди составляют большинство моих избирателей. Оппозиции и таблоидам будет слишком легко осмеять общественные программы в качестве приговора, как «мягкотелость». К тому же, у них наготове будут примеры вопиющих «перехлестов», такие, как тот случай, когда юного правонарушителя отправили на сафари, чтобы якобы повысить его самоуважение и уверенность в своих силах, особенно, учитывая тот факт, что он вскоре совершил новое преступление. И как бы тщательно не были продуманы решения, сложно защищать их перед публикой в каждом отдельном случае, ввиду существующего требования к конфиденциальности. Поэтому все обстоит так, будто наш «черный воронок» прочно застрял в болоте, но что-то заставляет нас жать и жать на газ, вращая бесполезные сейчас колеса. «Жесткость против мягкости» — это бесплодный спор, я надеюсь, что Симпозиум сможет подсказать третье направление, которое можно будет предлагать, как комплекс сильных и эффективных мер.

Я уже говорила, что политика обеспечения безопасности сообществ должна включать элемент изоляции, то есть, использование принуждения для ограничения неприемлемого поведения. Я согласна, что применение этой меры должно быть минимальным (в этом смысле, интересы правосудия и соображения экономии совпадают). Также стоит вспомнить, что во многих случаях дисквалификация (лишение водительских прав, отстранение от руководства компанией или работы с детьми и т.д.) может стать адекватной формой изоляции.

Профилактика

3. Моя третья стратегия состоит в том, чтобы вкладывать гораздо больше средств в профилактику преступности — хотя здесь задействовано множество разных ведомств и множество расходов будет связано именно с ними. С другой стороны, они будут извлекать для себя существенные преимущества. Я уже указала причины, по которым устрашение в общем смысле более не может быть краеугольным камнем политики контроля над преступностью, хотя для многих фактором сдерживания по-прежнему будет служить страх попасть в механизм машины уголовного судопроизводства. Устрашение и сдерживание, несмотря на видимую простоту этих понятий, являются довольно запутанными и сложными подходами. Прямой путь к предотвращению преступлений — это применение политики профилактики преступлений.

В широком смысле слова преступление имеет три элемента: подлежащее, сказуемое и объектное дополнение, а если говорить иначе — правонарушителя, преступное действие и его объект или жертву. Если мы вначале посмотрим на «сказуемое», т. е. деяние, можно сказать, что преступлением оно является только потому, что Парламент (или иной законодательный орган) определил его в этом качестве. Стоило бы подумать о том, нужно ли по-прежнему держать его в списке преступлений, особенно когда нет других жертв, кроме самого человека, совершающего такое деяние (хранение небольших количеств наркотиков) или еще одного человека, участвующего в нем по собственной воле (гомосексуальные акты в приватной обстановке). Наркотики, конечно, вызывают массу вопросов. В настоящее время задается очень серьезный вопрос: не причиняет ли война против наркотиков больше вреда, чем собственно употребление наркотиков? Как пример, можно рассмотреть письмо из Центра Линдесмита в Нью-Йорке, подписанное многими выдающимися деятелями, и адресованное Генеральному Секретарю ООН (*Guardian*, 11 июня 1998 г.). Такая же ситуация наблюдается и с деяниями, нежелательность которых была осознана лишь недавно: если бы общество осознало опасность алкоголя, табака или холестерина, запрещение вряд ли было бы самым эффективным способом снижения их потребления.

Во-вторых, существует «объект» преступления. Были проведены достаточно фундаментальные исследования по поводу «защиты потенциальных объектов, против которых могут быть направлены преступные действия» и «ситуационной профилактики преступности». Замки и засовы, а также более сложные охранные устройства, конечно, имеют право на существование и занимают свое место, но (как всегда) все

имеет свою цену — причем не только в терминах финансовых затрат, но и в том смысле, что преступления просто перемещаются в другие районы и на другие объекты (от неприступных банков к ограблению инкассаторов или от похищения наличных денег к махинациям с кредитными картами — последнее, пожалуй, является меньшим из двух зол). Также существуют и психологические «затраты». Решетки — барьер на пути построения дружеских отношений между персоналом и клиентами, поэтому некоторые банки пошли на еще большие расходы и установили специальные защитные экраны, которые в обычной ситуации спрятаны, но выскакивают за долю секунды при нажатии кнопки тревожной сигнализации. Установка технических средств защиты — дорогое удовольствие и постоянное напоминание о страхе хозяев. Существует постоянное стремление к достижению баланса между обеспечением большего удобства для покупателей и повышению уровня прибыльности для продавца. Примером таких начинаний могут служить супермаркеты самообслуживания, где удается уменьшить количество персонала, что, с другой стороны, облегчает жизнь вора и мошенникам. Я предлагаю комиссии анализ затрат и выгоды от увеличения количества обычного персонала (автобусных кондукторов, железнодорожного персонала, работников парковых хозяйств, консьержей и т.д.), по сравнению с увеличением персонала служб охраны, установкой систем теленаблюдения и средствами (для полиции, судов и в некоторых случаях тюрем), выделяемыми на работу с преступлениями, совершенными ввиду нехватки «естественного» надзора, как принято говорить. Я изучаю предложение о том, чтобы организации, которые не имеют достаточного количества основного персонала для контроля своих объектов, оплачивали следственные расходы в связи с совершенными против них преступлениями, например, актами вандализма или кражами в магазинах.

Последнее, но не менее важное, — это правонарушитель. Наилучшие ограничения — это внутренние ограничения, которые человек ставит себе сам. Внутренний полицейский находится на дежурстве все время (ну, почти все время). Я достаточно оптимистична, чтобы верить в то, что большинство из нас относится к другим людям с достаточной степенью уважения большую часть времени по множеству различных причин: потому что нам они небезразличны или потому что мы их ценим, потому что мы понимаем, что зависим друг от друга, потому что мы гордимся своим хорошим поведением, потому что мы чувствительны к неодобрению со стороны других людей или потому, что мы боимся официального наказания или личной мести. Вот только последние два фактора — неодобрение и наказание — зависят от того, обнаружат ли проступок. Другими же мотивами мы обычно руководствуемся сами, независимо, хотя иногда нам хочется, чтобы кто-то узнал о добродетельных поступках, которые мы совершаем в отсутствие других людей. Даже когда мы ведем себя таким образом, что причиняем вред окружающим, нам часто приходится вначале преодолевать чувство сострадания и убеждать себя в том, что никто от этого не пострадает (кражи в магазинах, уклонение от налогов и пошлин), что жертва преступления не обеднеет (кража), что жертва заслужила это (некоторые насильственные преступления) или даже, что жертва получит удовольствие (педофилия). Однако есть также и те люди, которым наплевать на то, что они делают с другими людьми, потому что им кажется, что на них-то точно всем наплевать. В результате может выйти все, что угодно, от актов вандализма, совершаемых молодыми людьми от нечего делать, до тяжких насильственных преступлений.

Импlications для профилактики преступности вполне ясны: «Приведите ко мне ребенка, не достигшего семилетнего возраста, и его сознание будет принадлежать мне навек», как говорят иезуиты. Множество исследований подтверждает это интуитивное утверждение. Одним из наиболее известных является метод исследовательского образовательного фонда High/Scope Educational Research Foundation в Мичигане, США. Там дошкольников поощряют в выборе позитивных игровых ролей. Работа проводится в группах до 20 человек, при наличии не менее одного воспитателя на каждые 10 детей. Расписание дня составляется таким образом, что дети общаются и играют в малых группах, убирают свои игрушки, гуляют на улице, едят, слушают сказки. Также обеспечиваются тесные контакты с родителями. Дошкольная программа Перри для района Ипсиланте в Мичигане, где проживают, главным образом, малообеспеченные чернокожие американцы, была предметом исследований в течение 30 лет. К 19 годам большинству учащихся удавалось окончить школу, им в меньшей степени требовалась специальная помощь учителей, они легче находили работу и на 40% реже задерживались полицией за правонарушения. К 27 годам значительно меньшее число этих людей задерживалось полицией. В особенности низким был процент тех, кого задерживали не менее пяти раз, в связи с правонарушениями, связанными с наркотиками. Было посчитано, что каждый доллар, потраченный на эту программу, обернулся 7 долларами дохода для каждого налогоплательщика в терминах сокращения преступности, снижения потребности в специальном обучении, социальных пособиях и услугах.

Исследования МВД, из которых взяты следующие цифры (Аттинг, 1996: 37-40) говорят о том, что результаты, полученные в 1990-х годах в Британии, возможно, не столь впечатляющи, как в Америке шестидесятых годов, да и это не единственная модель, которой стоит следовать, однако четыре проекта «В

первую очередь — дети» в настоящее время финансируются и оцениваются МВД, и целый ряд программ запущен в различных районах (Голдблатт и Льюис, 1998). В середине 1998 года было объявлено о запуске масштабного проекта «Уверенный старт», стоимость которого составляет 540 миллионов фунтов стерлингов. Проект проводится для родителей, ожидающих рождения ребенка, и для детей до 3 лет. Вначале он охватит 250 бедных районов, куда будут направляться специалисты из сферы здравоохранения и другие сотрудники медицинских и социальных органов, которые будут вести просветительскую работу среди родителей, обучая их базовым навыкам ухода за детьми, медицинской помощи и жизнеобеспечения. Программа является результатом сотрудничества между несколькими государственными департаментами и будет иметь «встроенный модуль» оценки (*Observer*, 19 июля; *Guardian*, 24 июля 1998 года). Нам нужно построить фундамент общества, в котором каждого ребенка будут ценить и уважать, общества, в котором никто не захочет сказать, как Мельник с речки Ди, герой старой песенки:

Мне плевать на всех, да, да, плевать,
И всем, всем, наплевать на меня.

Очевидно, можно сказать и сделать куда больше в отношении предотвращения преступлений — ведь даже некоторые дети из программы High/Score в конце концов совершили преступления — но в данный момент я говорю о базовых вещах.

Одним из наиболее важных аспектов предотвращения преступности является профилактика насилия. Это огромная тема, которую я не могу обсуждать здесь в деталях, но я очень серьезно отношусь к результатам комплексного обзора причин и методов профилактики насилия, подготовленного Фондом Галбенкиана в 1995 году. Данная Комиссия рассмотрела акты насилия, совершенные против детей и самими детьми, эффект от личного примера родителей, последствия физических наказаний и унижений, сексуального насилия, демонстрации насилия и порнографии на телевидении, насилия в спорте и многие другие факторы имеющие доказанную или предполагаемую связь с насилием в жизни. Комиссия порекомендовала общие и конкретные меры для сокращения насилия и для популяризации ненасильственных ценностей, особенно, в части разрешения конфликтов, это долгосрочная стратегия, да, но она вполне жизнеспособна.

Моя партия не может игнорировать подход к предотвращению преступности с позиций уменьшения уязвимости объектов и людей от потенциальных преступников, но я хочу заверить вас, что мы всерьез воспринимаем и идеи «социальной профилактики преступлений»: создание рабочих мест, механизмов социальной помощи, центров обучения профессиональным и жизненным навыкам — все это будет частью какой-либо интегрированной стратегии как для профилактики преступлений, совершаемых впервые, так и для предотвращения повторных преступлений, в дополнение к основам образовательной подготовки и адаптации в общество и семью.

Восстановительное правосудие

4. Я буду с интересом следить за инициативами, о которых мы столько слышали в последнее время, и за реакцией общества на них. Несколько аспектов восстановительного правосудия интуитивно кажутся разумными. Множеству людей покажется привлекательной идея постановки во главе угла интересов потерпевших и их реабилитации после преступления, а также предоставления им возможности принимать участие в процессе, который проводится вне рамок традиционного уголовного судопроизводства. Я думаю, мои избиратели также оценят тот факт, что правонарушителей заставляют отвечать за свои поступки иным, конструктивным способом, благодаря чему им дается шанс исправить содеянное. Либеральным реформаторам карательной системы понравится то, что реабилитация правонарушителей также имеет место в системе восстановительного правосудия. Я отметила также, что по результатам общественных опросов, множество респондентов заявило, что правонарушители должны работать над исправлением последствий их преступлений, насколько это возможно, или трудиться на общественных работах вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, нам, вероятно, доведется еще услышать об этом от других ораторов.

Тем не менее, у меня остаются определенные вопросы, и я с удовольствием послушаю, что о них скажет Медиатор. В качестве одного из показателей эффективности, я и полагаю, общественность, хотим видеть сокращение преступности в результате предпринимаемых нами мер. Еще один вопрос — это вопрос справедливости: приемлем ли тот факт, что репарация для разных преступников за одинаковые преступления будет разной лишь потому, что реакция их жертв будет различной? Это подводит нас к более общему вопросу о том, как восстановительное правосудие может вписаться в стандартную схему мероприятий и процедур.

Исследования

5. Как я уже говорила, я твердо верю в преимущества политики, основанной на исследованиях, которую я считаю хорошей проверкой порядочности политика и верности своим обещаниям (в особенности, в МВД). Следовательно, я намерена изыскивать средства на исследования и на включение их результатов в формирование политики. Политики не так уж часто готовы признать это, исключая вот такие собрания, где мы руководствуемся правилами Четэм-Хаус, но мы обычно относимся к исследованиям со смешанными чувствами. Иногда в этом есть преимущества: как и работы Королевской Комиссии, исследования дают нам передышку перед принятием решения. Но после того, как у нас появляются результаты исследований, часто оказывается, что они подсказывают решения, которые нам интуитивно нежелательны, и мы знаем, что объяснить необходимость их принятия широкой публике будет очень сложно, тем более, если таблоиды захотят продать побольше экземпляров, подвергнув осмеянию результаты таких исследований. Существует дополнительная сложность в том, что результаты не всегда однородны и указывают на определенные решения, да и исследования бывают разного качества — да простят мне эти слова присутствующие здесь титулованные научные деятели. Тем не менее, я верю, что социальные инициативы должны оцениваться систематически, и я буду рекомендовать МВД и другим организациям, принимающим участие в финансировании, закладывать исследовательский компонент в новые проекты, как для оценки достижений, если таковые имеются, так и для разработки разумных систем регистрации информации, с тем, чтобы руководство и финансовые доноры могли отслеживать работу ежегодно и убеждаться, что обещания выполняются.

Я хотела бы закончить выступление, сказав, что я часто ощущаю неудовлетворенность тем, что не могу говорить настолько же открыто и реалистично в других местах. Очень жаль, что обществу так сложно уйти от догматичных представлений о таких вещах как «курс молодого бойца» или «эффективность тюрем». Политики тоже должны признать свою часть вины в этом (особенно политики из других партий, я бы сказала!), как и — вы вряд ли будете удивлены, если я скажу — это средства массовой информации. Вот два из множества существующих примеров. Когда Европейский Суд по правам человека признал негуманность действий отца, который применял телесные наказания к своему 12-летнему сыну, заголовок в *The Sun* гласил «Европейцы суют нос в чужие дела и хотят объявить шлепки и затрещины вне закона» (*The Sun*, 16 июня 1998 г.), а когда министр внутренних дел Джек Стро внес вполне разумное предложение о том, чтобы разрешить досрочное освобождение юных правонарушителей из колоний для участия в общественных программах, которые помогли бы им реинтегрироваться в общество, *Daily Mail* сделала вывод «Стро выпускает юных преступников на волю, чтобы играть в сокращение преступности» (*Daily Mail*, 23 июля 1998 г.). Пока журналисты не начнут более ответственно относиться к делу, трудно будет обеспечивать прогресс в этой области.

Я не просто пытаюсь повторить банальное (но справедливое) обвинение в том, что они потакают популярным заблуждениям и предубеждениям для повышения своих тиражей. Я также обвиняю их в лени ума. Слишком уж часто происходит нечто подобное. Случается, к примеру, нечто, связанное с уголовным судопроизводством, например, судья выносит слишком мягкий приговор или приговор, в соответствии с которым преступника не изолируют от общества, в то время, как все жаждут крови. У журналистов либо нет никакой информации о биографии преступника или иных обстоятельствах, которые повлияли на решение судьи, либо они считают такие обстоятельства просто «предлогом» для смягчения наказания, а не попыткой вынести приговор, который был бы справедливым и уменьшал вероятность повторного совершения преступления. Журналисты звонят родственнику жертвы или члену парламента, придерживающемуся жесткой линии, и спрашивают, считают ли те приговор до смешного мягким. Часто жертва соглашается с этим, потому что иначе вроде как приуменьшается серьезность содеянного против них или их родственников, а политики соглашаются с этим, руководствуясь собственными мотивами. После этого они звонят в организацию реформ пенитенциарной системы и стараются заставить их обосновать приговор и защитить его справедливость. Если там бросаются защищать справедливость приговора, то на организацию немедленно навешивают стереотипный ярлык «защитничков», которые немотивированно жалеют всех подряд. Если же представитель организации дает обоснованный и мотивированный ответ, его, скорее всего, просто не включают в статью.

Я хотела бы сделать так, чтобы некоторые из этих журналистов увидели, что есть и другие темы, которые могут заинтересовать их читателей. Например, «Как вы думаете, справедливо ли без необходимости держать 90 человек в тюрьме только потому, что 10 из них могут совершить повторное преступление?», «Отнеслись бы вы по-другому к условно-досрочному освобождению Знаменитого Преступника Икс, если бы ему позволили продемонстрировать свое сожаление о том, что он сделал, работая на благо общества во время отбытия приговора?» или «Учитывая, что трагическое прошлое изменить невозможно, считаете ли вы, что было бы справедливо позволить Знаменитой Преступнице Йгрек написать книгу о том, как она

пришла к тому, что совершила свое преступление, и использовать доходы от этой книги для того, чтобы ее ребенок мог расти в более благоприятных условиях, чем когда-то она?». Популярные газеты могли бы, вообще говоря, только увеличить свою популярность, если бы стали менее предсказуемыми и предлагали новые темы для обсуждения в пабах и клубах.

Я разделяю точку зрения бывшего Лорда-Судьи, Лорда Акнера, который сказал следующее во время дебатов по второму чтению Законопроекта относительно преступности и беспорядков (Хансард, [HL], 19 марта 1998 г.):

За последние три или четыре года общественность привели к той ошибочной мысли, что тюрьмы действительно эффективны. Следует провести просветительскую работу и убедить людей в обратном. Это нелегко. Я не думаю, что пресса с восторгом отнесется к этой идее, так как тиражи ее не вырастут, а, наоборот, уменьшатся.

Я не уверена, что могу согласиться с этим, но, тем не менее, Лорд Акнер продолжил:

Я предложил создать Королевскую Комиссию или реанимировать Совет Пенитенциарной Полиции, чтобы глубоко проанализировать причины того, что мы сажаем в тюрьму больше людей, чем любая другая страна в Европе...

Это предложение было утверждено бывшим Министром внутренних дел Лордом Хёрдом (*Guardian Society*, 18 марта 1998 г.). Телевидение также сыграло свою роль. На одном «полюсе» были конфронтационные ток-шоу вроде «Килрой!», в которых проблемы переводились в плоскость сенсаций в такой степени, что разумные дебаты становились невозможными. В этих программах часто эксплуатировались душевные травмы участников. С другой стороны, телевидение способно стимулировать вдумчивые дискуссии, и я верю, что оно просто обязано делать это чаще.

ФАКТЫ И СТАТИСТИКА

Государственный Служащий

В докладе Политика говорилось о том, что масштабные кампании по изоляции от общества не имеют большого воздействия на уровни преступности. Вообще говоря, по оценке МВД, уменьшение преступности на 1 процент может быть достигнуто за счет увеличения количества заключенных на 25 процентов. Именно это и произошло в Англии и Уэльсе за последние пять лет. Количество заключенных в Англии и Уэльсе составляло 40606 в конце 1992 года и выросло до 66517 по данным на 31 июля 1998 года. Увеличение составило 63 процента (Лига Ховарда, 1998с).

Существует три вопроса: происходил ли рост преступности, чаще ли выносились приговоры о лишении свободы и как эти два фактора взаимосвязаны.

У нас есть данные по преступности, взятые из двух источников. Официальная «Статистика уголовных преступлений» (МВД, 1997) приводит количество преступлений, зарегистрированных и принятых к рассмотрению полицией. Это число возрастало с 1986 до 1992 года (за исключением 1988) и достигло 5,6 миллиона по сравнению с начальной цифрой 3,8 миллиона. В следующие четыре года оно снизилось на 11 процентов, до 5,0 миллиона в 1996. Однако такое снижение было достигнуто, главным образом, за счет снижения в самой распространенной категории — преступлений против собственности, в то время как насильственные преступления и преступления на сексуальной почве совершались все чаще, почти с каждым новым годом.

«Британский обзор преступности» (BCS) опрашивает выборку из 15000 человек ежегодно, становились ли они жертвами преступлений в течение года. Такая форма опроса позволяет собрать данные о преступлениях, о которых не было заявлено в полицию или в отношении которых заявления не рассматривались, однако она исключает преступления, в которых нет конкретной жертвы. Здесь также наблюдается стабильный рост, с 11 миллионов в 1981 году до 19,2 миллиона в 1995 году. До 1997 года падения не наблюдалось, а в этом году цифра снизилась до 16,4 миллиона, причем снизилось также количество насильственных преступлений (Миррлес-Блэк и другие, 1998).

В то время как количество зарегистрированных преступлений снизилось на 11 процентов в период с 1993 по 1996 год, количество заключенных возросло на 24 процента — с 44565 до 55281.

Таким образом, с первого взгляда кажется, что оценка МВД была слишком осторожной, поскольку увеличение количества заключенных на 25 процентов приводит к более чем однопроцентному снижению преступности. Но, как и практически к любой статистике, к этим данным следует относиться с большой осторожностью. Во-первых, BCS, в отличие от официальной статистики, продолжал фиксировать рост преступности до последнего обзора. Во-вторых, если мы возьмем другой отрезок времени, картина изме-

нитися: за період з 1986 по 1996 рік кількість зареєстрованих преступлений возросло на 31 процент, з 3,8 до 5,0 мільйона, незважаючи на вісімнадцятипроцентний ріст кількості ув'язнених — з 46889 до 55281. В-третьєх, щорічний ріст числа зареєстрованих насильствених преступлений проти особи досяг (за виключенням 1986 року) 239300 в 1996 році, порівняно з 125000 в 1986 році. ВКС одночасно зафіксував ріст насильствених преступлений з 2,2 мільйона в 1981 до 3,4 мільйона в 1997 році. І нарешті, як завжди, слід врахувати багато інших факторів впливу на суспільство, зокрема, зміни в економічному кліматі, безробіття, поліцейські кампанії проти крадіжок з вломом і кількість молодих чоловіків у віці від 15 до 25 років. Враховуючи все це, як вважають багато людей, навіть ріст кількості ув'язнених на 20000 осіб міг в кращому випадку виробити незначительний ефект — а реформатори пенітенціарної системи, без сумніву, помітили б контрпродуктивність таких заходів, якщо розглядати кількість вироків по повторним преступлениям, винесеним раніше осудженим рецидивістам.

«Тюрми ефективні»

В свою чергу Міністр внутрішніх справ в уряді консервативної партії, Майкл Ховард, використав аргумент «ограничения дееспособности»: він сказав, що 197 воров-вломщиків, які були відправлені на громадські роботи, здійснили від 3 до 13 нових преступлений, так що від 591 до 2561 преступления удалось бы избежать, если бы все воры были посажены в тюрьму на год. Однак ці 197 осіб були взяті з вибірки з 3900 рецидивістів, тому залишилися 3703 людини здійснили менше 3 правопорушень, а, крім того, неможливо знати заздалегідь, які рецидивісти знову совершат преступления. Таким чином, кількість преступлений, запобіжених на кожну сотню рецидивістів, було б набагато меншим, навіть без урахування пагубного впливу тюремного ув'язнення (*Guardian* 2, 14 вересня 1994). Цей підхід просто економічно невигідний.

В 1997 році МВД опублікувало статистику в стосунку до відсотка повторно осуджених рецидивістів. З неї випливає, що 53 відсотка ув'язнених, звільнених в 1993 році, були знову вирокорені впродовж 2 наступних років; дані по інших формах виконання покарання були такими: 52% для відбывающих наказание на общественных работах, 60% для пробации і 61% для комбінованих вироків (громадські роботи плюс пробация). Тодішній Державний міністр Девід Маклін привів цю статистику в доказ того, що тюрма ефективніше, ніж пробация. Однак Пол Кавадіно, голова консорціуму по справах каральної системи, описував це як «вопіюче искаженіє реальності при допомозі статистики». Він вказав, що дані включали також статистику так званих псевдо-повторних вироків, т.е. після рішення суду виносились ще і вирокорення по раніше совершеним преступлениям. Якщо прибрати ці дані, статистика повторних вироків для рецидивістів на громадських роботах і пробации упаде на 7%, а для відбывающих заключение в тюрьме — всього на 2%. Багато з тих, хто направляється на громадські роботи — юні рецидивісти, їх звичайно частіше повторно осуджують, ніж дорослих рецидивістів, але ці рівні ще вище для тих, хто відбуває тюремне ув'язнення: 75% чоловіків у віці до 21 року і 89% у віці до 17 років повторно осуджуються впродовж двох років після виходу з місць позбавлення свободи. Що найважливіше, як говорить Кавадіно, спеціалізовані громадські програми довели, що здатні знизити відсоток повторних преступлений за рахунок того, що вони учать правопорушників контролювати свої імпульси і агресію, допомагають подолати проблеми з алкоголем і наркотиками і дають навички, які допомагають отримати роботу. Також існують ефективні програми, які призначені спеціально для тих, хто совершил преступления на сексуальной почве, поджоги і т.д. (*Guardian* 2, 2 квітня 1997).

Ще один аргумент на користь «ефективності тюрем» базується на тому, що рецидивісти просто ізолюються від суспільства і не совершают преступлений. Це важко довести або опровергнути. Дані досліджень стосовно неадекватності ненадійні, тому що вони базуються на недоказуваних передположеннях: ніхто не знає, скільки непередбачених преступлений було совершено раніше осудженими, а навіть такі преступления привели б до позбавлення їх дееспособности шляхом ізоляції від суспільства. Крім того, оскільки прогноз тут, скоріше за все, буде неточним, і, ймовірно, навіть дуже неточним, політика позбавлення дееспособности приведе до багатьох «ложных позитивов», наприклад, до довгих строків ув'язнення для людей, які не совершили б нових преступлений, а рівно і до «ложных негативов», коли правопорушники, які не вважаються небезпечними рецидивістами, совершили б повторні преступления. Одно з досліджень МВД показало, що з 700 осіб, звільнених з місць позбавлення свободи, 52 вважались небезпечними рецидивістами, але з 77 преступлений проти особи, совершених впродовж 2 років після виходу на свободу, тільки 13 були совершени людьми, які вважались небезпечними рецидивістами. Таким чином, політика ізоляції «небезпечних» рецидивістів від суспільства не дозволила запобігти 64 преступлениям. З іншого боку, 18 з цих 77 преступлений вважались тяж-

кими преступлениями, и только 9 из них были совершены кем-то из 52 опасных преступников. Таким образом, 43 человека ошибочно классифицировались как опасные преступники, что составляет ложный позитив на уровне свыше 80 процентов (Пиз и Волфсон, 1979; Эйнсуорт и Пиз, 1981). Тюремное заключение по такому принципу является как несправедливым, так и излишне дорогостоящим.

Затраты

Расходы МВД на тюрьмы в 1996-97 годах составили 217 миллионов фунтов стерлингов (капитальные затраты) и 1 миллиард 388 миллионов фунтов стерлингов (текущие затраты); на пробацию было потрачено 698,4 миллиона (МВД, 1998а).

Средние текущие расходы составляли 24 233 фунта в год на каждое человеко-место в тюрьме (Служба тюрем, 1997: 17, 29), средняя продолжительность срока заключения для взрослых заключенных составляла 23,6 месяца (МВД, 1997: Таблица 7.16), таким образом, средний срок отбытия наказания стоил около 50 000 фунтов. Цифры, намеченные на 1998-99 гг., таковы: пробация — 1 750 фунтов за каждый комплекс мер пробации на одного человека, 1 300 фунтов — на общественные работы и программы, на человека и 3 350 фунтов на комбинированное решение (пробация плюс общественные работы) (МВД, 1998а).

Расходы полиции составляли 10 миллиардов 354 миллиона фунтов стерлингов. Сумма, отведенная конкретно на профилактику преступности, составила 156,8 миллиона фунтов стерлингов.

Стоимость услуг Службы поддержки жертв преступлений составила 11,7 миллиона фунтов стерлингов, расходы Службы компенсации физического ущерба, нанесенного в результате преступлений, составили 230,4 миллиона фунтов стерлингов.

Процент повторного осуждения для приговоренных к общественным работам находился в пределах двухпроцентного отклонения от таких же цифр для отбывающих заключение в тюрьме за период с 1987 по 1995 год (Голдблатт и Льюис, 1998: 90); а в сентябре 1998 г. Всепартийный комитет по внутренним делам отклонил политику, построенную на предположении об «эффективности тюрем», в отчете, в котором требовалось сокращение количества заключенных на 20 000 человек (из 66 000), за счет применения более эффективных общественных наказаний (*Guardian*, 11 сентября 1998).

В 1997-98 годах в тюрьме произошло 72 самоубийства, в том же году в одной из колоний для несовершеннолетних преступников (Фелтхэм) было зарегистрировано 234 инцидента, связанных с нанесением себе телесных повреждений, плюс 2 самоубийства (*NACRO*, 1998).

Общественное мнение

В отношении общественного мнения исследователи обнаружили, что здесь существует множество пробелов в знаниях. Во-первых, общественность не знает, какие приговоры выносятся, потому что СМИ информируют только о крайне жестких или чрезвычайно мягких приговорах. Во-вторых, люди не знают ничего об истории отдельных уголовных дел, так как такая информация предоставляется редко. В одном исследовании половине опрошенных задали вопрос о том, что они думают по поводу приговора о лишении свободы на срок 18 месяцев для человека, совершившего убийство — вина его была доказана. Восемьдесят процентов респондентов указали на излишнюю мягкость приговора, и никто не сказал, что приговор был слишком жестким. Остальным респондентам дали прочитать резюме данного дела (на 500 слов). Только 14,8% этих людей сказали, что приговор был слишком мягким, а 44% заявили об излишней жесткости приговора. Перед проведением такого опроса 90% всей выборки заявили о том, что приговоры судов слишком мягкие.

В еще одном исследовании выяснилось, что когда людям показывали газетный отчет о деле, шесть из десяти респондентов указывали на излишнюю мягкость приговора, а когда им давали прочитать расшифровку стенограммы судебного заседания, половина из них говорила о том, что приговор был слишком жестким. Выяснилось также, что когда людям задавали вопрос о том, предпочли ли бы они, чтобы преступник выплачивал репарацию жертве или отработывал на благо общества, практически все опрошенные отвечали: «Да, во всех случаях», «Да, в большинстве случаев» или «Да, в некоторых случаях». Только четыре процента ответили отрицательно. Исследования проводились в Канаде, но, скорее всего, подобные результаты наблюдались бы всюду (Дууб и Робертс, 1983, цитата Райта, 1999). «Британский обзор преступности» и некоторые другие опросы общественного мнения показали, что общественность, включая потерпевших от преступлений, вовсе не так кровожадна, как принято считать.

Исследование в фокус-группах в Новой Зеландии, проведенное через пять лет после принятия нового законодательства для несовершеннолетних, показало, что большинство участников считает, что восстановительное правосудие может применяться для всех типов преступлений и для всех преступников, хотя у них были определенные опасения по поводу способов осуществления такого правосудия. Один из ком-

ментариев был такой: «Я думаю, что, как сообществу, так и правонарушителю, необходимо залечивать свои раны». Еще один респондент написал: «Мне кажется, что если это станет частью нашей системы, и если потерпевший потребовал такого решения, нужно разрешить применять восстановительное правосудие для всех преступлений. Жертва имеет право взглянуть в глаза своему обидчику.» (Ли, 1996).

Дети и насилие

В докладе Политика была ссылка на отчет Галбенкиана (1995). В нем содержится много фактов и рекомендаций, поэтому тут трудно привести его краткое резюме, но я попытаюсь выделить определенные моменты, которые относятся к данному Симпозиуму. В Разделе 1 рассматриваются причины насильственного поведения детей, в число которых включается неправильное воспитание или жесткое обращение со стороны родителей, а также телесные наказания. В особенности в Соединенных Штатах отмечается влияние постоянного просмотра сцен насилия в фильмах в сочетании с легкой доступностью огнестрельного оружия. Также отмечается вероятная связь между неравенством, отчуждением и насилием.

В Разделе 2 рекомендуются пути уменьшения количества случаев насилия с участием детей. Здесь же содержится призыв к выработке национальной и локальных стратегий для сокращения насилия, в особенности в контексте неравенства, бедности и дискриминации, а также в семьях, нуждающихся в поддержке. Рекомендуются перестать применять телесные наказания и намеренное унижение детей во имя поддержания дисциплины, продлить период дошкольной подготовки детей и принять меры против буллинга (запугивания детей другими детьми). В том что касается уголовного судопроизводства, отчет рекомендует поднять планку возраста, начиная с которого человека можно привлечь к уголовной ответственности, до 14 лет. По возможности следует переводить несовершеннолетних правонарушителей из мест лишения свободы на общественные работы и вводить в практику групповые конференции и прочие практики, представляющие собой альтернативу стандартному уголовному судопроизводству. И, наконец, в отчете рекомендуются принципы, которые позволят двигаться в сторону общества без насилия, включая пропаганду общественных ценностей и социально-полезного поведения, и, в частности, ненасильственного разрешения конфликтов. Однако повторяю, в отчете содержится описание такого множества разнообразных причин насильственного поведения, что превентивную стратегию сложно подытожить кратко. Вообще говоря, в нее включена комплексная программа социальных реформ.

ДИСКУССИЯ

В(опрос). Вы говорили, что продолжите говорить «на языке жесткости». Хотелось бы спросить, является ли общественное мнение действительно настолько консервативно-жестким? Вы, должно быть, слышаны о таких опросах общественного мнения, которые упоминал Государственный Служащий. Но, вместо того, чтобы просто следовать тому, что считается общественным мнением, на основе информации, полученной в фокус-группах, и искаженных данных, которые используются вот уже несколько лет, разве не способны вы и прочие люди, которые формируют общественное мнение, на нечто большее? Неужели вы не можете действительно формировать такое мнение за счет информирования людей и предоставления квалифицированных рекомендаций? Разве не могут судьи, начальники тюрем и прочие люди, к мнению которых прислушиваются, выступать по вашим просьбам на семинарах и рассказывать людям то, что столь хорошо известно специалистам, работающим в данной системе?

О(ответ). Я очень хотела бы, чтобы так все и было, но, к сожалению, я не верю в то, что общественность готова к этому, в особенности — принимая во внимание циничный энтузиазм, с которым таблоиды карикатурно изображают любую, даже хорошо продуманную политику.

В. При всем моем уважении не могу признать этот ответ адекватным. Мы знаем, конечно, что для таблоидов «хорошая новость — вообще не новость», но они все же печатают истории успеха в своих тематических колонках. И, в дополнение к рациональным аргументам, не считаете ли вы, что в этом для вас заключалась бы огромная политическая выгода, поскольку тюрьмы столь непропорционально дороги? Ведь они обходятся намного дороже других конструктивных мер. Вы сами описали, как можно перевести расходы в область общественных санкций, как сделать так, чтобы эта система работала, так не следует ли вам поработать над тем, чтобы общественность приняла эту идею?

О. Да, но это будет нелегко, особенно в районах с высоким уровнем преступности.

В. Общественность (включая, по всей видимости, и вас, осмелюсь утверждать) не знает о том, сколько многие поддерживают идею репарации, потому что политики и СМИ постоянно говорят им о том, на-

сколько сильно общество тяготеет к жестким мерам. Почему бы вам не поступать в духе того обзора, о котором упомянул Государственный Служащий. Не думаете ли вы, что это было бы политически разумным и выгодным шагом — проверить силу этой тенденции ради того, чтобы попытаться извлечь пользу и благо из вреда и зла?

О. Я по-прежнему не убеждена в этом. Большинство обзоров несколько устарело, а недавние международные исследования показали, что британские и американские респонденты — самые ярые сторонники тюремного заключения, причем эта тенденция только усилилась со временем.

В. Если опросы общественного мнения будут указывать на одно, а исследования того, что на самом деле «работает» — на другое, то на чем будет базироваться ваша политика?

О. К счастью, нет свидетельств того, что они действительно указывают на разные вещи.

В. Что касается вашей изобретательной схемы перевода средств, считаете ли вы, что сможете убедить Министерство финансов дать вам организовать это таким образом, чтобы финансирование также выделялось на альтернативные мероприятия — если таким образом можно будет снять часть нагрузки с прокуроров, инспекторов службы пробации и других «стражей законности»?

О. Министерство финансов всегда с подозрением относится к аргументам типа «вложите деньги сейчас, чтобы сэкономить позже», но я надеюсь, что в данном случае ему не придется выделять средства до того момента, когда будут выполнены все условия. В области транспорта установлен следующий принцип: доходы от платных автодорог тратятся на развитие общественного транспорта. Подобным же образом средства, сэкономленные на закрытии тюрем, должны использоваться на развитие системы общественных санкций, а еще лучше — на инициативы по предотвращению преступлений.

В. Не приходило ли вам в голову, что можно напрямую оспорить справедливость лозунга «Тюрьмы эффективны»? Не думаете ли вы, что людям известно о реальной ситуации с тюрьмами несколько больше, чем утверждают таблоиды и некоторые ваши коллеги по Парламенту?

О. Как я уже говорила, трудно бросать вызов и бороться, если противная сторона играет не по правилам и представляет все так, чтобы уличить вас в мягкотелости, если вы занимаете позицию, отличную от примитивной популистской линии.

В. Что касается утверждения об эффективности тюрем, что бы вы сказали по поводу опыта Западной Австралии? Возьмите, к примеру, данные Тони Дууба, на которые ссылался Государственный Служащий. Лишение правоспособности было предложено как ответ на необычно большое количество аварий со смертельным исходом на дорогах, во время преследования полицией угнанных юными преступниками автомобилей. Подробное исследование, проведенное Центром исследований преступности Университета Западной Австралии, показало, что такая политика не только оказалась неэффективной, но и, по словам Ричарда Хардинга, директора Центра:

Такие меры никогда не будут работать. Избирательное лишение правоспособности никогда не будет эффективным. Судебные решения, которые находятся в самом конце цепочки, в которой имеет место правонарушение, никогда не будут оказывать существенного воздействия на то, что происходит в начале такой цепочки. Вопиющие нарушения международных норм, которые представляют результаты нелегко доставшегося опыта и мировой мудрости в отношении формирования оптимальных стратегий в далеко не идеальном мире, где молодежь зачастую подвергается вредным воздействиям и влияниям, всегда отзываются рано или поздно большими проблемами.

Единственная философия, которая последовательна и вселяет надежду, это философия интеграции молодежи в общество, несмотря на все ее проблемы, а не философия изоляции молодых людей.

Хардинг далее указывает на то, что «применяя эту философию, конечно, и в дальнейшем, мы будем вынуждены идентифицировать и изолировать некоторых молодых людей на определенный срок. Но это должно делаться с состраданием и пониманием, а не с гневом и жаждой мести» (цитируется в издании Дууб и др., 1995: 97).

О. Я не стану возражать против этого. Государственный Служащий дал мне экземпляр канадского обзора и вот что написано об отчете комитета в Онтарио:

Обеспечив всем детям более благоприятные условия в жизни и дав им возможность здорового развития, мы создаем более равноправное и здоровое общество... Люди обеспокоены насилием в школах, например, но такое поведение не возникает из ниоткуда. Правоохранительные органы — после обнаружения такого поведения — не могут существенно снизить частоту его проявления. [Мы поможем] большему количеству молодых людей ощутить свою принадлежность к обществу и поднять самооценку, что необходимо им для того, чтобы стать эффективными, активными членами общества (цитируется в изд. Дууб и другие, 1995: 100-101).

Такова политика моей партии, и когда она излагается в таких терминах, она звучит убедительно. Однако вам следует помнить, что эта политика никогда не будет на 100 процентов эффективной, и что если бы она таковой была, общество было бы довольно репрессивной структурой. Невзирая на наши усилия (с учетом всегдашних ограничений финансового и иного характера), некоторые люди — немногие, как нам хочется верить — все равно будут совершать недопустимые поступки, и нам нужно будет продемонстрировать, что мы что-то с этим делаем. Достаточно будет дать людям ощущение защищенности, но здесь не следует переусердствовать, чтобы не привести к контрпродуктивности. Действия должны быть очень сбалансированными.

СЕССИЯ 2

ПСИХОЛОГ

Обычно считается, что если вы наказываете кого-либо за что-либо, человек, скорее всего, перестанет так поступать, и что если человеку угрожать наказанием, он вообще воздержится от соответствующих действий, но как обычно, не все так просто. В терминах психологии наказание — это (болезненный) стимул, который применяется к человеку в ответ на определенные действия, с целью уменьшения возможности повторения таких действий в будущем, и именно об этом мне хотелось бы поговорить, в частности, рассказать о том, что психологические исследования говорят нам о воздействии наказания и о том, какова вероятность того, что наказания, которые предписывает система уголовного судопроизводства, изменит поведение людей именно так, как предполагается. Следует помнить, что психологические эксперименты касались только работы по изменению поведения (или по «сдерживанию», если говорить юридическим языком) отдельных индивидов. Общего сдерживания в этих рамках не проводилось, эту тему может осветить Судья. Никто ведь не утверждает, что какая-либо лабораторная крыса или мышь знала, что происходило с другими подопытными животными или что ей было не все равно, что с ними происходит. В контексте уголовного судопроизводства, в большинстве случаев, наказание заключается конкретно в карательных санкциях: намеренное законное причинение боли или, как минимум, неудобств человеку, осужденному за официально определенное преступление, а не в реабилитационных санкциях, таких как, например, пробация.

Если наказание должно быть применено, следует обеспечить четкие гарантии. Оно никогда не должно применяться в унижительной или оскорбительной форме. Этим условием часто пренебрегают в карательной системе и, в частности, в тюрьмах. Ко всем следует относиться с уважением, по-человечески, и, следовательно, как психологи, мы рекомендуем применять наказание только в связи с позитивной стимуляцией желательного поведения и только в целях искоренения нежелательного поведения, от которого нельзя избавиться иным способом (например, Дж. Мартин и Джей Пеар, 1002: 176-7). В качестве еще одной гарантии, во всех программах, связанных с наказанием, следует тщательно собирать данные для отслеживания воздействия программы. Условия, в которых программа должна применяться, должны формулироваться четко, регистрироваться, а действия — проверяться на предмет соответствия (с. 178 той же работы). Мы уже видим, что система уголовного судопроизводства не оценивается в терминах соответствия соответствующим стандартам.

Иногда кажется — и это совсем не радует — что люди гораздо более изобретательны в плане назначения наказаний, чем в плане поиска путей реинтеграции правонарушителей в общество. Гораздо легче разрушать, чем строить. По-прежнему некоторые люди требуют применения унижительных наказаний. Возразить им можно не только, что такие наказания противоречат международным положениям о Правах Человека, запрещающим жестокие, бесчеловечные и унижительные наказания, но и что, как и многие другие наказания, они являются контрпродуктивными. Молодые рабочие знают, что, несмотря на браваду, юные нарушители порядка часто бывают невысокого мнения о самих себе, им нужно развиваться, а не опускаться еще ниже. Как сказал один автор:

Мы не должны давать ребенку почувствовать себя униженным и думать о себе плохо. После того, как он проникается такими представлениями о своей неполноценности, ... отвергается честным и порядочным обществом «хороших» детей, он освобождается от моральных ограничений, запретов и обязанности быть честным человеком. «Теперь я вор и могу воровать» (цитата Никсона, 1974).

Воздействовать на них с целью стимуляции желательного поведения можно при помощи поощрений и прочих методов, в которых может оказаться полезным понимание аспектов психологии. Если мы сможем минимизировать порывы в сторону нежелательного поведения и создать более сильные стимулы для желательной альтернативной реакции, необходимость в наказании может отпасть (Мартин и Пеар, 1992: 172). Эти стратегии обычно не используются в системе уголовного судопроизводства, в которой существует тенденция к наказанию, вне зависимости от его необходимости. Тем не менее, я полагаю, Медиатор расскажет о том, как они применяются в медиации для жертвы и преступника, где, например, преступник может согласиться избегать контактов со своими друзьями (уменьшение факторов давления), извиниться и пообещать репарацию (желательная реакция). Давайте сравним психологические аспекты того, что происходит в процессе уголовного судопроизводства.

НАКАЗАНИЕ

Проводившиеся в течение многих лет психологические исследования раскрыли нам четыре аспекта наказания. Во-первых, наказание говорит людям о том, чего не следует делать, но не говорит, что нужно делать. Во-вторых, оно может оказывать нежелательное побочное воздействие и даже быть контрпродуктивным. В-третьих, оно может воздействовать на поведение только в определенной степени, при определенных условиях и, часто, только временно. В-четвертых, награда за желательное поведение обычно более эффективна, чем наказание нежелательного поведения. Я хочу только предупредить, что, как и многие люди, говорящие о поведении, имеющем отношение к преступлениям, я буду, в основном говорить о преступниках. Но это неизбежно, потому что меня просили выступить на тему наказания. Тем не менее, в конце своего доклада, я посвящу некоторое время жертвам и психологическому аспекту, который важен для них — а именно, прощению.

Наказание говорит только «Ты не должен делать этого»

Рассматривая все эти пункты, мы должны помнить о том, что эффект наказания является ограниченным. Оно *не предлагает никакого нового поведения, а просто подавляет уже существующее. Существуют и другие недостатки, однако в их отношении существует меньше данных исследований.* Наказание может вызывать в человеке нежелание подчиняться властям и авторитетам, поэтому если он и делает то, чего от них требуют люди, применяющие наказание, то неохотно, и только из боязни того, что невыполнение будет обнаружено. Как сказал Уильям Голдвин «Принуждение не может убеждать, не может усмирять, а лишь вызывает отчуждение в сознании того человека, против которого оно применяется». Наказание может создавать видимость повиновения и даже изменение мнения, но такие изменения просто являются результатом страха. Наказание делает из человека раба (Голдвин, (1793) 1985: 644, 646, 668). Можно сказать, что наказание является неуважением к человеку, следовательно, наказанный человек реагирует на него, переставая уважать кого бы то ни было.

Даже если удовлетворены все условия и наказание позволяет зафиксировать определенный тип поведения, его эффект быстро улетучивается: наказание не может иметь долгосрочного воздействия, если только оно не применяется последовательно и немедленно, вновь и вновь, но такие условия вряд ли выполнимы в системе уголовного судопроизводства. В хорошо известном эксперименте Б.Ф. Скиннера в 1938 году, крыс научили тянуть на себя рычаг, чтобы получать награду в виде пищи. Скиннер затем попытался подавить такое поведение. Одну группу крыс стали несильно бить по лапкам, как только они хватались за рычаг. Сразу после этого наказания они резко прекратили это делать. Однако уже через четыре часа после того, как наказание прекратилось, они вновь тянули на себя рычаг, с таким же энтузиазмом, как и другая группа крыс, которую не наказывали (резюме Варела, 1971:225 и Манна и др., 1969).

Еще один психолог приводит пример из повседневной жизни: мать, которая старается отучить сына грызть ногти, наказывая его каждый раз, когда застает за этим занятием, обычно обнаруживает, что он начинает грызть их снова, как только она перестает его наказывать (Кендлер, 1963: 280). В этом случае поведение животных и людей одинаково. Хотя боль, которую причиняли в лаборатории, приходила незамедлительно и неизбежно, не так, как бывает в уголовном судопроизводстве, ее воздействие прекращалось очень быстро. Конечно, наказание может подавлять нежелательное поведение на достаточно долгое время, в течение которого можно стимулировать желательное поведение (Манн и др., 1969), но это,

конечно, зависит от степени доступности такого стимулирования — например, наркоманам, лечущимся от наркозависимости, необходимо предлагать что-то, являющееся наградой, в психологических терминах.

Нежелательные побочные эффекты наказания

Что же происходит в мозгу юного преступника и какая часть этих мыслей заставляет его быть законопослушным гражданином в будущем (если такие мысли вообще есть)?

Таблица 1

Мысли юного преступника
Обвиняет себя, окружающих, обстоятельства Если б только я был более везучим, умным и ловким.... ну, да, может быть, в следующий раз я смогу Мой адвокат/офицер службы пробации был абсолютно бесполезен
Бойтся Здесь нужно быть «крутым», а не то — искалечат, а то и в петлю сам полезешь.
Проявляет агрессию Я уж достану того, кто на меня настучал.
Проявляет непокорность, бросает вызов закону В следующий раз возьму оружие, подкуплю свидетеля. В следующий раз сработаю по-крупному, все получится. В следующий раз, если меня поймают, я пойду в тюрьму, а не в колонию для несовершеннолетних — и все поймут, что я крутой. Про меня написали в местной газете, на первой полосе — здорово! Я покажу им, что не боюсь. Пусть они подавятся своим трудоустройством, я оторвусь по полной, когда выйду отсюда, я это заслужил.
Чувствует разрыв семейных связей Не думаю, что моя девушка меня дождется. Не хочу, чтобы она и дети навещали меня здесь, это тяжело для всех нас. Если она будет гулять с кем-то еще, я их обоих «сделаю», когда освобожусь.
Нейтрализует содеянное, оправдывает себя Тот, кого я ограбил, от этого не обеднеет; или Я бы вернул те деньги в кассу, если бы меня не посадили; или Она сама напросилась; или Мне жаль, что он пострадал, но тут было так: или он или я. Все здесь говорят одно и то же. Мы все — жертвы, нет никакой справедливости, законности
Сдерживает себя Лучше мне больше так не поступать.

В Таблице 1 показаны некоторые мысли, возникающие у юных преступников. Единственная из них, которая согласуется с намерениями общества, это последняя, но все остальное часто перевешивает этот пункт. Наказание генерирует целый ряд нежелательных побочных эффектов, я перечислю семь. Я останавливаюсь только на психологических аспектах, то, что связано с юридической стороной, осветит в своем докладе Судья.

Эти нежелательные последствия в лучшем случае делают наказание менее желательной мерой социального контроля, а в худшем — перевешивают все его преимущества. Это не следует забывать при планировании мер устрашения/сдерживания. Некоторые выкладки основываются на теории, другие — на психологических исследованиях. Теперь я рассмотрю на психологическое воздействие двух типов наказания — тюремного заключения и телесного наказания.

1. Жесткое наказание имеет тенденцию провоцировать агрессивное поведение.

Наказанный человек имитирует поведение человека, наказавшего его, причем часто — в еще более серьезной форме (Аткинсон и др., 1987: 233; Дембер и Дженкинс, 1970: 362). Исследование способов, которые применяли матери для устранения агрессивного поведения своих детей, обращенного против них и их мужей показало, что самые агрессивные дети были у матерей, применявших жесткие меры наказания (Кендлер, 1963: 400). Животные, которым причиняли боль, не упускали случая проявить агрессию, если

рядом с ними потом оказывалось другое животное или неодушевленный предмет, против которого можно было направить агрессию (Эзрин, цитата Дембера и Дженкинса, 1970: 361-2).

Как ни парадоксально, наказание может быть символом отваги, поднимая в глазах сверстников статус наказанного. Например, в автобиографиях, которые написали некоторые преступники, они упоминали, что для них было унижительным, когда их отправляли в колонию для несовершеннолетних, а уж потом, когда они попадали во «взрослую» тюрьму, это казалось им знаком «приобщения» к преступному миру.

2. *Жесткое наказание может производить другие нежелательные эмоциональные эффекты*, такие как общая запуганность, что неприятно для всех, и часто мешает фиксировать желательное поведение. С другой стороны, это может разрушить самоуважение человека и он считает себя неспособным ни на что, кроме новых преступлений. Наказание может вызвать в преступнике ненависть к человеку или системе, которые стали орудием такого наказания, и потом он отвергает любые ценности, которые такой человек или система проповедует. Преступники могут также реагировать насилием на насилие, примененное против них.

При определенных обстоятельствах, наказание может даже фиксировать и укоренять нежелательное поведение, а вовсе не устранять его. Наказание может сделать психику ребенка ригидной и негибкой (Дембер и Дженкинс, 1970: 362), а некоторые люди бывают рады любому вниманию, даже если оно проявляется в форме жесткого наказания.

В комплексном обзоре психологических исследований наказания говорится:

Основной недостаток наказания для человека также может заключаться в разрыве социальных связей, которые за ним следуют. В первые годы жизни, существование человека, как живого организма практически полностью зависит от помощи других людей... В той степени, что наказание разрушает или уничтожает социальные связи, оно может лишать человека возможности существовать в человеческом обществе (Эзрин и Хольц, 1966:442).

В другом месте, те же авторы говорят, что наказание может провоцировать изменения в поведении, которые ведут к неспособности эффективно осуществлять жизнедеятельность (Эзрин и Хольц, 1966: 439-40)

Одно время предлагалось запугивать юных правонарушителей «напрямую», демонстрируя им, что тюрьма делает с человеком. Однако это не срабатывало, потому что, когда человек напуган, он неспособен думать рационально. Это также аморально, потому что эффект от такого метода зависит от варварских условий содержания в тюрьмах.

3. *Даже при довольно низкой интенсивности наказания, люди стремятся избежать наказания в будущем, но вовсе не всегда делают это за счет хорошего поведения.* В психологических терминах это называется «избегание», т.е., действия, нацеленный на то, чтобы избежать «аверсивного эффекта» (эффекта отвращения). Наказание школьников скорее приведет к прогулам, чем к исправлению поведения (Эзрин и Хольц, 1966: 383-384, 408, 439-440). Некоторые преступники пытаются убежать, спрятаться, отказаться от ответственности, переложить вину на кого-то другого, лгать, нападать на полицейских, угрожать убить свидетелей (Бандура и Уолтерс, 1963: 15, 186, 213). Количество исследований в этой области невелико, но в одном учебнике есть пример в психологическом контексте: человек купил десяти тысячного щенка, который постоянно воровал кур с соседского огорода. Каждый раз пса за это наказывали. Он все равно продолжал воровать кур, однако перестал приносить их домой (Кендлер, 1963: 282). В человеческом обществе и уголовном мире существует множество таких примеров:

- Ювелира убили во время ограбления, чтобы он не смог опознать грабителей (*The Times*, 10 мая 1988).
- Человек, отсидевший восемь лет, продолжал совершать преступления, но, не желая больше садиться в тюрьму, носил с собой пистолет, чтобы оказать сопротивление при аресте или застрелиться самому — он застрелил полицейского, который его арестовывал (*Guardian*, 6 октября 1983).
- Водитель, который постоянно выпивал за рулем и уже получивший полгода условно, с отсрочкой исполнения приговора, за предыдущее преступление, связанное с управлением автомобилем, был намерен избежать поимки любой ценой, и задавил молодого офицера полиции, который остановил его, чтобы проверить на алкоголь (*Guardian*, 7 мая 1989).
- Вооруженный грабитель, ограбив ресторан быстрого обслуживания, загнал шестерых сотрудников ресторана в комнату-морозильник и всадил в них 21 пулю, «чтобы они наверняка не смогли его опознать в будущем» (*Guardian*, 4 мая 1989).

- Человек, совершивший изнасилование, услышал голос в его голове, который сказал ему: «Ты не можешь ее отпустить. Если ты отпустишь ее, она все расскажет полиции». Тогда он задушил жертву (*Guardian*, 4 июля, 1989).

- Подросток заставил семилетнюю девочку совершить с ним половой акт, и когда «он понял, что она расскажет об этом, он убил ее» (*Guardian*, 16 мая 1992).

- Пилоты авиалиний часто скрывают определенную информацию, потому что боятся, что она будет использована против них следствием. Однажды не было доложено об опасном сближении с другим самолетом в воздухе, кроме того, пилоты часто замалчивают такие вещи, как отказ двигателя, незаконно стирают записи переговоров, сделанных в кабине пилотов. Все это затрудняет выявление ошибок и неисправностей, ухудшает стандарты безопасности (*Independent on Sunday*, 22 сентября 1991). Стоит также привести пример с американским пилотом и штурманом реактивного самолета, который оборвал трос подъемника на лыжной трассе и стал причиной гибели 20 человек. Они были осуждены за сокрытие вещественных доказательств. (*Daily Mirror*, 2 сентября 1998; *Guardian*, 11 мая 1999).

- Машинист поезда по похожим причинам отказался предоставить свидетельства и вещественные доказательства на запрос после инцидента, в котором погибли пассажиры (*Guardian*, 22 февраля, 1991).

- Мальчик, над которым издевался учитель, боялся кому-либо об этом рассказать, потому что думал, что учитель ударит его снова. (*Guardian Education*, 18 июня 1996).

- В школах, где наказание является основным методом поддержания дисциплины, бытуют представления о том, что жаловаться нельзя, что это трусость, ябедничество. Когда невозможно обнаружить, кто именно совершил проступок, учителя практикуют коллективное наказание, например, оставляют после уроков весь класс, что несправедливо по отношению к большинству невиноватых детей (см., например, *Guardian*, 28 октября 1996).

В некоторых случаях жестокого обращения с детьми, угроза наказания заставляла родителей валить вину друг на друга, чтобы никого из них не осудили (потому что они только свидетели), а ведь невозможно сделать ничего, чтобы не дать им жестоко обращаться с другими своими детьми. Точно так же, в настоящее время, не существует никаких программ помощи потенциальным насильникам, которые, чувствуя свою нездоровую тягу, могли бы открыто рассказать о своей проблеме, не боясь наказания или клейма позора, и получить соответствующую психологическую помощь. Если общество предпочитает наказание профилактике, имеет ли оно право утверждать, что всерьез думает о защите детей?

Сложно уйти от вывода, что угроза наказания постоянно затрудняет поиски истины, приводит к устращению, нападению на свидетелей или даже убийству. Это, естественно, не означает, что если устранить такую угрозу, все немедленно начнут признавать свою вину, но свидетельствует о том, что устращение — палка о двух концах.

4. *Наказание может заставлять людей отворачиваться не только от аверсивных стимулов, но и от ситуаций и людей, связанных с ними:* ребенок, наказанный за ошибки, которые он делал при чтении книги, может отказаться от чтения как такового. Подобным же образом, человек, которого наказали, может начать недолюбливать того, кто наказал его (родителей, учителя или работодателя) и власть в целом, а также и саму деятельность (школу, работу), с которой ассоциируется наказание, в особенности, если наказание кажется несправедливым (Бандура, 1977:127) — а здесь, конечно же, неизбежны «ошибки в отправлении правосудия».

5. *Наказание (или перспектива наказания) заставляет людей думать о самих себе, а не о своих жертвах:* они сожалеют о наказании, а не о преступлении. Наказание даже может заставить их воспринимать в качестве жертв самих себя, как, например, произошло в случае в Молом Фландерсом, персонажем Даниэля Дефо, который ожидал суда в Ньюгейте, в 1722 г.:

Я печалился не из-за того, что совершил такие преступления и не из-за того, что согрешил столь сильно перед Богом и людьми; я оплакивал свою участь, потому что меня должны были покарать за это.

Если наказание является чрезмерно жестоким, некоторые люди начинают воспринимать преступника в качестве жертвы системы. Это подтверждает давняя традиция заботы о судьбах преступников и поддержка реформы карательной системы, в то время как организованная поддержка жертв преступления — начинание новое, ему не более 30 лет.

6. *Наказание оказывает дурное воздействие на всех нас, причастных к его применению.* Ввиду того, что наказание имеет быстрое кратковременное воздействие в плане подавления нежелательного поведения, мы можем подвергаться искушению злоупотреблять наказаниями и пренебрегать позитивным стимулированием желательного поведения. С другой стороны, нежелательное поведение может возобновиться уже после очень короткого периода подавления, после чего, человек, применивший наказание, может прибегнуть к еще более жестокому наказанию, что создаст порочный круг с катастрофическими последствиями (Мартин и Пеар, 1992: 176-177). Если наказание легитимизировано, оно также побуждает людей обвинять во всем преступника и пренебрегать любыми обстоятельствами преступления.

Почему люди продолжают использовать столь проблематичный метод для того, чтобы контролировать друг друга? Отчасти, ответ, вероятно, можно найти в типах реакции, которые наблюдались в эксперименте Скиннера. Сначала наказание вызывает подавление нежелательного поведения. Немедленный результат кажется позитивным сдвигом тому, кто применил наказание. Другие, более сложные и тонкие последствия, и возврат к первоначальному поведению не столь заметны, поэтому часто остаются без внимания (Варела, 1971: 274), в особенности, с учетом того, что вряд ли человек станет демонстрировать агрессию в присутствии того, кто его наказал и может наказывать снова (Бандура и Уолтерс, 1963: 129-130).

7. *Дети часто имитируют взрослых: если взрослые наказывают детей, дети станут наказывать других детей.* Наказание содержит в себе неверный посыл. Угроза «не делай этого, а не то...» учит людей, что убедить окружающих в чем-то можно при помощи силы, тогда как фраза «не делай этого, потому что...» уже имеет образовательный элемент, даже если объяснение в ней типа «... потому что я буду на тебя сердиться, если ты это сделаешь». Это в особенности справедливо в отношении воспитания детей, где применение силы считается допустимым, в особенности, пока дети физически слабее родителей. Школьники, которые участвуют в травле ровесников (включая и детей, которые периодически и подвергаются травле, и участвуют в ней сами), значительно чаще оказываются детьми из авторитарных семей, в которых родители часто применяют наказания, и редко заботятся об оказании поддержки. (Болдри и Фаррингтон, 1998). Дискуссия по этому поводу засоряется всякими эвфемизмами, вроде «отшлепать», чтобы скрыть истинную суть телесных наказаний, но я еще вернусь к этой теме позднее.

Когда сажают под замок и бьют

Существуют два вида наказаний, которые привлекают особенное внимание. Одно из них используется почти повсеместно, второе запрещено в правовой системе стран Запада, но продолжает существовать в семьях. Я должен рассмотреть их с психологической точки зрения.

Психологический эффект тюремного заключения

Стало самоочевидным, что — как говорит Александр Паттерсон, английский комиссар управления тюрем — невозможно обучать людей свободе, держа их под замком. В психологическом контексте это значит, что если наказание физически мешает его субъекту как-либо реагировать, невозможно понять, имеет ли такое наказание аверсивный эффект (Эзрин и Хольц, 1966, 383-384).

Юморист Марк Стил так попытожил обычное воздействие тюремного заключения:

Тюремная система построена на наказании, но заставляет ли тюремный опыт воздерживаться от преступлений? Ну, если вы собираетесь выжить в тюрьме, вам уж точно не стоит заявлять во всеуслышание в тюремной столовой: «Не знаю, что вы все себе думаете, а я вот понял, что было страшно глуп! Теперь я перестану заниматься вооруженными грабежами и возьмусь за разведение цветов».

Если кого-то приговаривают к тюремному заключению, судья вполне может сказать с тем же успехом: «Ты обычный воришка. Я отправляю тебя в тюрьму, где 23 часа в сутки ты будешь проводить в одной камере с человеком, который убежден, что он волк, после чего тебя выпустят обратно на волю, без денег, без работы и без каких-либо перспектив. Это делается для того, чтоб ты больше не воровал» (передача The Mark Steel Solution, радио BBC 4, 18 августа 1995).

На современном жаргоне это можно назвать «честностью в объявлении приговора»!

В автобиографиях бывших заключенных обычно больше рассказывается об условиях тюремного заключения, чем о последствиях преступлений, которые привели их в тюрьму, симпатии авторов на стороне своих сокамерников и самих себя, а вовсе не на стороне жертв. На самом деле, немного существует документальных данных, которые говорили бы о том, сколь многие запуганы, разрушены психологически, и кого из них можно было бы убедить изменить свое поведение, используя менее разрушительные меры, а кто превратился в асоциальную личность и врага общества. Я сам попытался собрать кое-какую ин-

формацію, читал отчеты о криминологических исследованиях и автобиографии заключенных, а также посещал тюрьмы. Это утвердило мою уверенность в одной ранее высказанной мысли: наказание имеет побочные эффекты, которые игнорируются людьми, теоретизирующими о наказаниях. Прочие аспекты будут охвачены другими ораторами, например, альтернативные методы, которые хотя бы не менее эффективны — о них расскажут Инспектор службы пробации и Медиатор — и о том, этично ли намеренное причинение боли со стороны государства (об этом будет говорить Философ).

Некоторые преступники, такие как рецидивист Роберт Аллертон, которого интервьюировал Тони Паркер, стараются просто выбросить из головы вероятность того, что их снова поймают: «Понимаете, уже через три дня после освобождения забываешь обо всем этом». Некоторые также считают это «профессиональным риском, вот и все — причем таким, с которым вполне можно мириться». (Паркер и Аллертон, 1962: 87, 88). Профессиональные преступники, с которыми беседовала Лори Тэйлор, также признавали, что тюрьма или колония — просто «плата за риск», «что-то, что нужно перетерпеть, как часть уклада жизни». Однако некоторые люди в возрасте от 35 до 45 лет признавали, что с трудом могут представить еще десять лет за решеткой. (Тэйлор, 1984: 184).

Как место содержания преступников, совершивших наиболее тяжкие правонарушения, тюрьму можно оправдать, но как наказание, она дает только временную защиту. Поскольку 99 процентов заключенных рано или поздно выходят на волю, часто оказывается, что тюремное заключение контрпродуктивно. Одно недавнее исследование показало, что, хотя проблемы, которые причиняет тюремное заключение женщин, являющихся матерями, замечены и анализируются, не учитывается тот факт, что отцы, сидящие в тюрьме, тоже испытывают беспомощность и фрустрацию, поскольку не могут осуществлять свои семейные функции, от чего страдают их члены семей, причем родители (обычно, матери) испытывают душевное опустошение, а дети испытывают поведенческие проблемы. Считается, что тюрьма принуждает людей быть законопослушными гражданами, но часто происходит обратное — люди стараются показать себя «крутыми» и непокорными мачо (Адлер, 1997). Заключенные часто оказывают сопротивление системе и устраивают «разборки» с другими заключенными, чтобы выжить (Стерн, 1998: гл. 6). Они часто ощущают безнадежность и отчаяние, чувствуют, что у них нет особых причин продолжать жить. Искусственно поддерживаемая безработица в тюрьмах только усугубляет это — заключенному, считайте, повезло, если он работает 15 часов в неделю, а многие вообще не имеют работы — вот и получается, что они не могут заполнить время вынужденного безделья какой-либо конструктивной деятельностью. Стресс и гнев особенно сильно дают о себе знать у юных заключенных. В тюрьме всегда существует угроза применения насилия, некоторые, в особенности, юные заключенные становятся «хищниками», другие не имеют достаточного опыта, чтобы ответить на это, к примеру, такой же агрессией — они становятся жертвами. Таким образом, не удивительно, что достаточно многие заключенные испытывают страх (18%, в соответствии с одним из исследований (Уолмсли и др., 1992), половина из этих людей подвергалась нападением со стороны других заключенных в последние полгода).

Проблемы телесных наказаний

Вторая традиционная карательная санкция — телесные наказания. Эксперты в области законодательства о детях, такие как профессор Майкл Фримэн из Университетского колледжа в Лондоне, говорят, что у детей, как и у взрослых есть право на то, чтобы их не били (*Daily Telegraph, Guardian*, 10 октября 1988). Телесные наказания для детей названы Европейской Комиссией по правам человека «бесчеловечными и унижительными» (*Guardian*, 8 ноября 1997). Детей бить не только неправильно, но и контрпродуктивно, а по 16 делам Британское правительство было вынуждено уплатить компенсацию, на общую сумму 51 тысяча фунтов стерлингов (*Independent*, 28 сентября 1988), хотя в случае с простыми «шлепками и затрещинами» такую компенсацию платить бы не стали (*Guardian*, 26 марта 1993). Полвека тому назад, Уильям Темпл, в период с 1910 по 1914 работавший школьным учителем, а позднее (во время второй мировой войны) ставший Архиепископом Кентерберийским, сказал «Я, конечно же, считаю, что узаконенная государством порка превращает юных правонарушителей в законченных преступников, потому что из-за нее государство выглядит столь суповым и враждебным, что неизбежно приводит правонарушителя на позиции противостояния государственной машине» (Темпл, 1934: 38).

Догадки Темпла подтверждены психологическими исследованиями: человек или животное, подвергнутые наказанию, могут попытаться нейтрализовать своего мучителя или направить свою агрессию против других людей. В любом случае «агрессия будет спровоцированной реакцией на физическое наказание» (Эзрин и Хольц, 1966: 440-441). Даже вербальные унижения или выговоры часто приводят к ответной агрессии на словах или к агрессивным физическим действиям (Ретцингер, 1991; Натансон, 1992).

Исследования, проводившиеся в течение долгого времени в группе из 700 детей, под руководством Джона и Элизабет Ньюсон в Центре исследований детского развития, в г. Ноттингем, показали, что дети,

которых шлепали не реже раза в неделю, по достижении 11-летнего возраста с гораздо большей вероятностью становились склонными к прогулам, баловству, попадали в неприятные истории в школе, с соседями, задерживались полицией, причем на них гораздо меньше действовали словесные увещания. К 16 годам они чаще ввязываются в драки, попадают в «плохую компанию», привлекаются к ответственности за прогулы, им не доверяют собственные матери, и они плохо разбираются в том, «что такое хорошо и что такое плохо». К 20 годам они часто уже задерживаются полицией и привлекаются к суду (Ньюсон и Ньюсон, 1989).

В делах о жестоком обращении с детьми часто сообщается, что обвиняемый часто оправдывает насилие тем, что, наказывая, он пытался приучить ребенка к дисциплине. Иногда оказывается, что в детстве его самого воспитывали тоже только посредством телесных наказаний, таким образом, традиции битья передаются из поколения в поколение. Питер Ньювелл, координатор группы ЕРОСН (End Physical Punishment of Children — Положить конец телесным наказаниям детей), говорит: «Значительная часть этих (детских) убийств происходит в результате эскалации режима наказаний в семье»/ (*Night & Day*, 9 октября 1994). Один исследователь из Кембриджа изучил 65 дел об убийстве и обнаружил, что «культурная приемлемость применения некоторых типов насилия для поддержания дисциплины, называемое эвфемизмом «телесное наказание», также является важным фактором, который нужно рассматривать в отношении этих «дисциплинарных детоубийц» (Вильчински, 1997: 53, курсив — оригинальный). Практически в каждом седьмом детоубийстве мотив состоял в том, что детей били, чтобы наказать и призвать к порядку (стр. 101 указанной работы), однако часто присутствовали и другие факторы, такие как социальная изоляция. Автор пришел к выводу, что все насилие против детей можно структурировать в соответствии с определенным континуумом, и общество, санкционирующее менее интенсивные виды телесного наказания, повышает вероятность того, что дети будут страдать и от более жестоких форм насилия. Поэтому, следует вести пропаганду против телесных наказаний и советовать родителям использовать альтернативные методы дисциплинарных наказаний» (с. 216). Люди следуют примеру государства, запирая детей под замок, например, в их комнатах, на чердаках, в шкафах — иногда на довольно долгое время. В одном случае, в Южной Италии, родители заперли дочь в шкафу и держали ее там 12 лет, потому что она, якобы, строила глазки молодому человеку (*Badische Zeitung*, 11 октября 1984, с. 20).

Исследования, проведенные в 1980-х — 1990-х годах, показали, что подавляющее большинство родителей бьет своих детей: в США 89 процентов родителей с детьми до 17 лет били своих трехлетних детей в году, предшествовавшем опросу. В Румынии, 84 процента родителей считали, что отшлепать ребенка — совершенно нормально. В Великобритании 91% детей когда-либо подверглись битью, большинство подверглось телесным наказаниям и в прошедший год. В Корее, 97%, а в Индии — 91% мужчин и 86% женщин подвергались телесным наказаниям в детстве. Некоторые из таких наказаний были настоящими избиениями. Великобритания была последней страной в Западной Европе, где были разрешены телесные наказания в государственных школах — их запретили только в 1987 г. — а в США только 27 из 50 штатов запретили такие наказания к 1996 г. (ЕРОСН Worldwide и Рэдда Барнен, (1996): 6). В Британии, 2,5 тысячи независимых школ практически прекратили применять такие наказания (*Guardian*, 26 марта 1993), а теперь запрет на наказания распространен и на них. Что касается родителей, бывший Премьер-министр, Джон Мэйджор, как говорят, возражает против каких-либо ограничений прав родителей шлепать своих детей (*Daily Mirror*, 10 сентября 1996), несмотря на решение Европейского Суда по правам человека (*A v UK*, 23 сентября 1998), в отношении того, что «разумное наказание» может быть бесчеловечным или унижительным. Новое лейбористское правительство также защищало права родителей применять «дисциплинарные меры» (отметьте эвфемизм) к детям» (Пол Бэтенг, бывший министр здравоохранения, *Guardian, Daily Telegraph*, 24 сентября 1998). Это должно, наверное, удивлять, хотя может и показаться закономерным — Архиепископ Кентерберийский, доктор Джордж Кэрри, сказал, что вполне допустимо «легонько» шлепать детей, если это делается с любовью и во имя порядка в семье» (*Guardian*, 26 октября 1996). Возможно, он не знал о мыслях и принципах своего предшественника.

Однако несмотря на широко распространенную практику битья детей, восемь западноевропейских стран запретили все такие наказания (Швеция в 1979, а затем — Финляндия, Дания, Норвегия, Австрия, Кипр, Латвия и Хорватия. Правительство Германии, пришедшее к власти в 1998 г., также собирается это сделать (*Guardian*, 16 октября 1998). Почему? Шведский департамент юстиции объясняет: «Это потому, что наше демократическое общество должно учить детей думать самостоятельно, делать собственный выбор и брать на себя ответственность. Невозможно побоями заставить ребенка быть послушным и одновременно самостоятельным» (Департамент юстиции). В дополнение к вопросу о правах детей, существуют еще три основных аргумента против битья детей: оно неэффективно, существуют другие формы наказания, и некоторые родители могут перегибать палку в том, что касается телесных наказаний.

Битье неэффективно, потому что теряется связь и «сотрудничество» с ребенком, а, кроме того, в этом часто содержится неверный посыл (классический пример: отец бьет ребенка за то, что тот бил других детей). Выбор более эффективных методов зависит от возраста ребенка, но, в общем, суть в том, что ребенку следует объяснить, почему его поведение неприемлемо, поощрять хорошее поведение похвалой и вниманием, а также, подавать хороший пример. В том, что касается эскалации наказания и перегибов, конечно же, большинство родителей остается в разумных рамках (что говорит о том, что они могут обойтись и вовсе без битья), но есть и определенное количество случаев насилия над детьми, с которым нельзя мириться, и которое родители часто оправдывают соображениями дисциплины и порядка. В обзоре, проведенном при участии местных органов власти в Великобритании, говорилось, что три четверти опрошенных заявили, что не менее 10% (в некоторых местах — 50%) родителей, обвинявшихся в насилии над детьми, оправдывали себя тем, что «просто хотели наказать ребенка» (ЕРОСН, 1990: 6).

Комиссия Галбенкиана (1995: 50-2, 133-6), рассмотрев значительное количество свидетельств, порекомендовала не принимать идею «разумного наказания» в качестве юридически приемлемого оправдания телесных наказаний или иного унижительного обращения с детьми, не только потому, что это нарушает права человека, но и потому, что это контрпродуктивно и может иметь трагические последствия.

- Когда трехлетняя Хайди Коседа умерла с голоду, ее отчим сказал, что перестал кормить ее, чтобы наказать за пристрастие к сладостям (а когда от нее уже осталась только кожа да кости, он не повел ее к врачу, опасаясь возможных неприятностей) (*The Times*, 25 сентября 1985).

- Дорин Мэйсон умерла в возрасте 16 месяцев, после того, как ее отчим наказал ее. Он прижал ее к стенке, побил, а затем погрузил ее в ванну и держал под водой две минуты (*Guardian*, *The Times*, 6 декабря 1988).

- Еще один человек наказал своего трехлетнего сына за то, что тот плакал, засунув его в сушилку для белья. Он также на десять секунд прижимал руку мальчика к раскаленной конфорке электроплиты, запирая его и четырехлетнюю дочь в шкафу и часами не выпускал. (*The Times*, 7 февраля 1989).

- Шестилетняя Сакина Хаммонд отказалась назвать свое имя по буквам, в ответ на требование отца. Он посчитал, что она упрямится, и отстегал ее электропроводом, а затем забил до смерти (*Guardian*, 25 ноября 1989).

Жестокое обращение с детьми может иметь последствия далеко за пределами семьи. Характер Адольфа Гитлера был деформирован его авторитарным и своенравно-вспыльчивым отцом, который насмехался над ним, подзывал его свистом, так же как свою собаку, а также частенько бил его (Уэйт, 1977: 134, 137; Кубизек, 1954: 32; Шефф, 1994: 109-20), а Саддама Хусейна заставляли работать с пятилетнего возраста. К работе его принуждал отчим, «Хасан-лжец, как его называли в округе, ... жестокий человек, который забавлялся тем, что унижал Саддама. Обычно он наказывал детей, избивая их палкой, покрытой асфальтовым битумом, заставлял их плясать, чтобы увернуться от ударов» Деревенские мальчишки часто дразнили его безотцовщиной, а в восемь лет он взял в руки железный прут, чтобы защищаться (Кэрш и Раутси, 1991: 10,15; Дарвиш, 1998).

Метод наказания не может быть правильным, если он работает только пока отец (или мать) физически сильнее ребенка. Если ребенка не «затюкали» совсем, он будет сопротивляться, отбиваться, как некий Энди, который убежал из дому в возрасте 15 лет: «15 лет они меня били, поэтому я сказал: «Хорош! Теперь моя очередь». Я сказал: «Если вы меня еще тронете, дам сдачи». Так и случилось. Тогда я сбежал». (Смит и Стюарт, 1997: 103): еще один бездомный тинейджер.

Может ли наказание быть эффективным? Данные исследований

Третьим результатом психологических исследований было вот что: удивительно, когда юристы, профессиональная жизнь которых сосредоточена на сборе доказательств вины, обращают так мало внимания на свидетельства и доказательства, когда речь заходит о выборе санкций, которые, предположительно, должны быть эффективны. Поскольку уголовное судопроизводство предполагает определенные санкции, которые, в числе прочего, используются для предположительного воздействия на поведение, логично было бы думать, что юристы станут консультироваться с психологами в отношении приговора. На конференции, которая проводилась Институтом исследований правонарушений и методов борьбы с ними (ныне — Центр исследований в области преступности и правосудия), профессор Блэкман подытожил общее мнение психологов по этому вопросу:

Вообще говоря, не вызывает сомнения тот факт, что в лабораториях и в реальном мире все уверены, что установление зависимости неприятных событий от нежелательного поведения вовсе не обязательно

уменьшает вероятность повторения такого поведения в будущем. Рациональные ожидания в отношении динамики поведения могут вводить в заблуждение. Вообще говоря, единственный разумный способ изменить поведение, по моему мнению, заключается не в том, чтобы подавлять плохое или нежелательное поведение, а в том, чтобы попытаться сформировать «хорошее» или желательное поведение (Блэкмэн, 1996).

Мне было отрадно слышать слова Политика в отношении того, что она собирается строить свою политическую стратегию на результатах научных исследований. Вот некоторые результаты, которыми она может воспользоваться:

Существует пять основных условий, которые нужны для того, чтобы наказание возымело желаемый эффект. Наказание должно быть незамедлительным, неизбежным, адекватным, но не чрезмерным, не содержать в себе элементов, которые могут фиксировать и укоренять нежелательное поведение, а также — самое главное — должно предлагать возможность выбора *альтернативного поведения*. Некоторые авторы, однако, не поддерживают применения наказания даже в таком ограниченном объеме. Социальный психолог Джакобо Варела, например, отмечает такие результаты, как «не очень убедительные», и говорит:

Тот факт, что наказание оказывает немедленное воздействие, за которым следует возврат к прежнему образу действий ... неизвестен или непонятен для тех людей, которые предлагают наказание, как меру контроля поведения... Если мы добавим к этому тот факт, что наказание всегда формирует негативное отношение в человеке, к которому оно применяется, ... мы не должны удивляться, что наказание, по большому счету, только ухудшает состояние вещей...

Он добавляет, что

... Даже если наказание может быть изображено как возможный способ изменения поведения, разрушительные побочные эффекты все равно исключают возможность его применения. И наконец, желание общества использовать наказание, как инструмент воздействия, столь сильно, что даже хотя уже ясно, что стимулирование позитивного поведения — лучший путь достижения результата, социологи просто обязаны постоянно подчеркивать потребность необходимости поощрения позитива и запрета на наказания.

Далее, он добавляет еще один аргумент:

Применяя наказание, мы оказываемся неспособны устранить корневую причину и усложняем и без того сложное дело, добавляя в него элемент опасности (Варела, 1971: 226).

Иными словами, если вы делаете ставку на неэффективные меры безопасности, полностью доверяя им, вы не подумаете о необходимости дополнительной защиты — вот как строители Титаника думали, что корабль защищен от айсбергов и не позаботились о необходимом количестве спасательных шлюпок (Райт, 1982).

Помня об этих моментах, нам стоит также кратко рассмотреть пять необходимых условий эффективности наказания, сравнивая их с тем, что предлагает традиционная система судопроизводства.

Безотлагательность

Во-первых, наказание должно быть безотлагательным, иначе ослабляется связь с запретным деянием, в особенности, если виновный ведет себя хорошо. Тем не менее, всем известно, что следствие до суда может занимать долгое время. В начале 1997 года, средняя задержка отправления правосудия составляла 131 день (Реншоу, 1998). Министр внутренних дел хочет сократить этот срок «всего» до десяти недель. Американские авторы говорят, что их «юридическая система применяет наказания за нарушение закона, но до приговора и его исполнения могут потребоваться не дни, недели или месяцы, а целые годы со дня правонарушения» (Манн и др., 1969). То же самое можно сказать и о других странах. В самом деле, ко времени вынесения приговора преступник может уже переключиться на законопослушный образ жизни, поэтому наказание уже не будет адекватным (Бандура и Уолтерс, 1963: 196). Справедливости ради следует заметить, что суды, все же, иногда (но далеко не всегда) учитывают такие обстоятельства. Для эффективности наказания также важна его адекватность и последовательность.

Неизбежность

Во-вторых, наказание должно быть неизбежным: потенциальный правонарушитель должен быть уверен, что его — с большой вероятностью — поймают и накажут. Однако криминологи хорошо знают о том, насколько малый процент преступлений фиксируется, регистрируется и расследуется (о чем говорит статистика, предоставленная Государственным Служащим). Преступники также часто знают не понаслышке, что у них есть все шансы избежать поимки. Некоторые, бывает, даже переоценивают серьезность возможного наказания, но их это не останавливает. Одно из исследований, проводившееся среди подростков 13-14 лет, в Австралии, районах с высоким и с низким уровнем преступности, показало, что в областях с высоким уровнем преступности больше задумывались над возможностью ареста и серьезного наказания. Они также лучше (хотя и недостаточно полно) знали о мерах, которые применяют суды для несовершеннолетних. В каждом случае, дети, которые ожидали более высокую вероятность поимки и жесткого наказания, принадлежали к семьям с более низким социально-экономическим статусом (Краус, 1976).

Адекватность (не чрезмерность)

В-третьих, есть вопрос серьезности, жесткости наказания. Здесь результаты исследований классифицировать трудно. С одной стороны, лабораторные эксперименты показали, что постепенное ужесточение наказаний не имеет сильного воздействия, потому что животные привыкают к ним, необходимо жесткое, шокирующее наказание, которое применяется сразу (Эзрин и Хольц, 1966: 393). Если перевести это на язык уголовного судопроизводства, можно сказать, что постепенная прогрессия наказаний, предупреждений и т.д., не так эффективна, как жесткое наказание, которое следует сразу же за поступком. С первого взгляда кажется, что это весьма неудобный факт для либеральных реформаторов, которые предпочли бы верить в обратное. Но, как указывает Манн и его коллеги, небезопасно обобщать все на основе лабораторных результатов экспериментов с животными, где использовались простые методы воздействия, вроде электрических разрядов, которые подавались немедленно и безусловно. В этих исследованиях не учитываются сложные побочные эффекты наказания для человека. Кроме того, вариантов выбора у животных немного, а люди могут реагировать очень разнообразно (Аткинсон и другие, 1987: 234). В любом случае, этические соображения обуславливают тот факт, что мы не имеем права применять серьезные наказания в ответ на незначительные правонарушения — даже если они эффективны.

Наказание не должно быть чрезмерным, не только по этическим причинам, но и потому, что неадекватность наказания вызывает тревогу, беспокойство и приводит к неэффективности наказания. Обычной реакцией на неудачный эффект наказания является требование его ужесточения — но тут возрастает вероятность, что такое наказание причинит вред (Морган и Кинг, 1971) и может отозваться неприятными последствиями. Наказание менее эффективно для усмирения людей в гневе (Барон и др., 1974: 303), кроме того, оно само по себе часто выводит людей из себя. Чрезмерное или болезненное наказание может приводить к еще более агрессивному поведению, чем прежде, оно может наносить серьезный физический ущерб (что неприемлемо) или вызывать страх и тревогу, уменьшая способность человека к обучению, если верить авторам одного классического учебника психологии, которые говорят, что «не знают ни об одном исследовании, результаты которого свидетельствовали бы в пользу необходимости жесткого наказания, как коррективной меры», что вызвано вредным воздействием наказания на человека. В то же время, многочисленные исследования подтвердили эффективность похвалы и поощрения (Манн и другие, 1969: гл. 9).

Наказание не должно способствовать нежелательному поведению

Четвертое требование состоит в том, что поведение, которое мы хотим исправить, не должно поощряться (в психологических терминах — укореняться — Эзрин и Хольц, 1966: 419). Однако многие типы преступного поведения поощряются, например, как средство добычи денежных средств или уважение и «уличный авторитет», в глазах сверстников, а также как способ найти «приключение» и почувствовать выброс адреналина. «Если существует серьезное ощущение потери, и реакция, пусть и наказуемая, сохраняется и поддерживается постоянно, даже жесткие наказания могут быть неэффективны» (Эзрин и Хольц, 1966: 427). Это тот тип преступлений против собственности, который как раз можно предупредить, используя физические меры для «подавления стимула» (Эзрин и Хольц, 1966: 431-432), и затрудняя физически совершение преступлений при помощи физических барьеров и охранных устройств, нанесения меток на имущество, которые затруднят его бесконтрольную продажу и т.д. С другой стороны, это сложно применить к насильственным преступлениям, где уже само насилие является «наградой» и где преступник получает удовольствие от власти и применения силы против другого человека. Если действие, такое как ограбление, повторяется неоднократно, привычка может укорениться слишком глубоко, и ее станет невозможно искоренить при помощи наказания, даже в случае долгого

срока тюремного заключения: люди адаптируются к самым неблагоприятным условиям (Морган и Кинг, 1971, гл. 3). Поэтому следует избегать больших сроков заключения, поскольку эффект такого наказания со временем сходит на нет (Эзрин и Хольц, 1966: 426-427).

Должна присутствовать альтернатива

Последнее условие является выполнимым, но не без усилий со стороны экспериментатора (если говорить об экспериментах с животными) или других членов общества (если речь идет о людях). Некоторые психологи соглашаются с тем, что мягкое наказание имеет право на существование, но в один голос утверждают, что оно *должно комбинироваться с позитивной стимуляцией желаемых привычек, и немедленным предоставлением возможности сделать что-то позитивное, за что его могут поощрить* (Эзрин и Хольц, 1966, 1966: 426-427, Кендлер, 1963: 280-2; Морган и Кинг, 1971: гл. 3). На самом деле, рекомендуется позаботиться о таких альтернативах еще до того, как применяется наказание (Мартин и Пеар, 1993: 171). Это может сработать даже в том случае, если в качестве альтернативы предлагается непростое занятие, например, можно дать ребенку возможность самому зарабатывать деньги, вместо того, чтобы красть (Скиннер, 1958, цитата Варелы, 1971: 226-227). В таком случае, наказание можно описать как «поучительное», что повысит вероятность того, что ребенок научится на его примере, в то время, как жесткие меры наказания вызывают излишне высокий уровень тревожности, или воспринимаются как месть. Даже отсутствие каких-либо стимулов может восприниматься как наказание в сравнении с альтернативным действием, за которое человека поощряют (Эзрин и Хольц, 1966: 391-392). Воздействие наказания не столь предсказуемо, как эффект поощрения. «При поощрении посыл обычно таков: «И дальше поступай так». Посыл наказания — «Прекрати!» Тем не менее, наказание не подсказывает никакой альтернативы. В результате, организм может заместить поведение, которое наказывается, еще менее желательным типом поведения» (Аткинсон и др., 1987: 232). Если снова процитировать Джакобо Варела (1971: 226), «даже если наказание может быть изображено как возможный способ изменения поведения, разрушительные побочные эффекты все равно исключают возможность его применения». Чтобы подытожить все это, приведу следующую цитату: «Наказание наиболее эффективно, когда оно применяется в сочетании с поощрением и когда оно мягкое и поучительное. Обычно, жестокое или непредсказуемое наказание ведет к нестабильности поведения или фиксации (т.е. приверженности одному типу поведения) (Манн и др., 1969).

Побочные эффекты любого порицания будут менее ощутимыми, если они воспринимаются как справедливые меры и если после них следует символический жест повторного принятия в сообщество, знак симпатии — будь-то улыбка, объятия или что-то более официальное — таким образом можно развить в ребенке чувство *внутреннего* контроля. Австралийский криминолог Джон Брейтвейт отметил: «После того, как сознание становится развитой системой, человеку уже не нужны внешние средства для того, чтобы включать его» (Брейтвейт, 1989: 178). Для того, чтобы наказание воспринималось, как справедливая мера, оно должно включать диалог, который понятен человеку. Но в то время как это делается в семьях, многие школы упускают это из виду. Цель — как для семьи, так и для школы — состоит в том, чтобы устанавливать такой порядок дисциплины, который не был бы холодным и жестким, или теплым и попустительским — он должен быть теплым, но жестким (Брейтвейт, 1989: 174-5).

ПРИМЕНЕНИЕ ПООЩРЕНИЙ

Четвертый вывод из психологических исследований состоит в том, что, по большому счету, поведение лучше всего формируется при помощи поощрения. Поощрение может быть достаточным для фиксации желательного поведения, даже если оно применяется периодически (Скиннер, 1958, цитата Варела, 1971: 226-227; Аткинсон и др., 1987). Тем не менее, преступное поведение также иногда может вознаграждать человека, и такая награда перевешивает подавляющее воздействие наказания: радикальная смена поведения правонарушителя может привести к тому, что он потеряет социальные или материальные вознаграждения, а альтернативы предоставлено не будет (Бандура и Уолтерс, 1963: 213). Таким образом, очень важно, чтобы была доступна еще одна форма поведения, в которой заложено определенное поощрение, некая награда.

С психологической точки зрения, следовательно, я рекомендую применять *поощрения* общего характера, которые формируют лучшую основу для общества законности и порядка, чем меры устрашения общего порядка. Я полагаю, вы знакомы с басней о Солнце и Северном ветре.

Солнце и Северный ветер поспорили, что из них сильнее. Пока они спорили, Северный ветер увидел путешественника, который ехал верхом на коне. Он был укутан в плащ, защищающий его от осеннего холода. «Я покажу тебе, кто сильнее, — сказал Северный ветер. — Сейчас я сдую с него плащ». Солнце согласи-

лось: кто первый снимет с путешественника плащ, тот и победитель. Северный ветер начал дуть и призвал на помощь Град и Мороз, но чем сильнее он дул, тем плотнее путешественник укутывался в свой плащ. После этого настала очередь Солнца. Оно принялось светить, тучи рассеялись. Путешественнику стало жарко и он снял плащ, а ведь Солнце еще светило даже не в полную силу.

Система уголовного судопроизводства уделяет мало внимания стимуляции желательного поведения, простым доказательством этого можно считать тот факт, что относительное количество средств, выделяемых на надзор и помощь перед освобождением и после него, составляет менее одной двадцать пятой от стоимости содержания в местах лишения свободы. (В среднем — 80 фунтов против 2190 фунтов в месяц, по данным за 1993/94 год: МВД, 1995: 72). Клеймо, которое ложится на человека, обвиняемого системой, вряд ли является хорошим стимулом для предотвращения преступного поведения.

Ответственность за награждение законопослушных граждан ложится в обществе на таких людей, как работодатели и арендодатели, и на государственные департаменты, отвечающие за образование, трудоустройство, жилищные условия, спорт, искусство и т.д. Нам необходимо позаботиться о том, чтобы эти нормальные поощрения, вместе с уважением и похвалой за достижения были доступны всем. Награда в форме похвалы может быть эффективной для улучшения работы при выполнении определенных задач. Это в особенности касается детей и интровертов.

Когда люди хотят изменить свое поведение, то, если мы предоставим им возможность для этого, она само по себе уже будет наградой. Однако система уголовного судопроизводства, за исключением некоторых Служб пробации, мало что делает для поддержания инициатив такого рода — ими занимаются другие структуры, такие как добровольные организации и органы местного самоуправления. Существует большое количество проектов, национальных и локальных, которые предназначены для удовлетворения всех этих нужд. Примером национальной программы, в частности, можно считать проект Home Start (Домашний старт), который привлекает добровольцев, которые прошли специальное обучение и которые предлагают свою помощь, дружеское расположение и практические советы семьям с детьми дошкольного возраста. Проект имеет 180 местных отделений в Великобритании, которые поддерживает национальная консультативная служба. В число задач данной программы не входит сокращение преступности, но проблемы, в отношении которых она предлагает свою помощь, включают проблемы детского поведения, конфликты с родителями, домашнее насилие и предполагаемое насилие над детьми, а также прочие факторы, которые напрямую или косвенно связаны с проблемами преступности. Исследователи заметили существенные улучшения в эмоциональном состоянии и способности справляться с жизненными задачами у людей, принявших участие в этой программе, однако это может и не быть непосредственно связано с работой добровольцев. Этот и многие другие примеры описаны в обзоре МВД, подготовленном Дэвидом Аттингом, и названном «Сокращение преступности среди молодежи», а также в других публикациях, таких как «Профилактика молодежной преступности», обзор результатов благотворительной программы Crime Concern (Проблемы преступности), которая финансировалась государством и частным сектором (Файндлэй и др., 1990), а кроме того, проекты Уотервилл для детей и молодежи в Тайн и Вэар, районах северо-западной Англии с высоким уровнем безработицы (Проекты Уотервилл, 1997). Не все из них прошли тщательное изучение, и, вообще говоря, существуют определенные пределы реально осуществимого объема исследований. Что здесь нужно безусловно — так это система, например такая, как та, что была описана Политиком, но не обязательно непосредственно увязанная с преступностью, система, которая сняла бы все неудобства, связанные с проблемами финансирования при условии, что поддерживался бы базовый мониторинг качества работы. Это наверняка бы помогло улучшить качество жизни тысяч людей и, вероятно, имело бы такой сопутствующий эффект, как укрепление уверенности в собственных силах, облегчение нахождения работы и проявление уважения к другим людям.

Идея социального порядка, построенного полностью на страхе наказания, является непривлекательной, и, как мы уже убедились, не может быть хотя бы эффективной. Такие результаты психологических исследований подтверждены историей: репрессии, как в тюрьме, так и в армии или вообще в стране, ведут к восстаниям. Более привлекательной идеей является предложение построения общественного контроля на системе поощрений. Это может сработать, как в воображаемой стране, описанной в утопическом романе «Вальден 2», написанного психологом-бихевиористом Б. Ф. Скиннером, который провел некоторые новаторские эксперименты, которые указали на неэффективность наказания и на преимущества поощрения как меры контроля поведения. Но даже это не полностью удовлетворительная система, поскольку она использует «внешние» вознаграждения, что низводит, в некотором роде, людей до уровня очень талантливых лабораторных крыс. Более того, такой системой управляет благонамеренная автократия, но нет никакой гарантии, что автократы сохранят свои благие намерения и в будущем. Вот еще несколько причин разделить скептицизм Политика в отношении утопий.

Внешние вознаграждения — это такие поощрения, которые какой-либо человек или люди решили назначить за определенные действия, с целью их стимуляции. Это может делаться с мудростью и симпатией, однако такие действия лишают людей самостоятельности и заставляют их чувствовать себя объектами манипуляции, таким образом, подрывая их уверенность в себе, самоопределение и альтруизм. Также, здесь существует связь с проблемой, описанной Данегельдом: чтобы обеспечить необходимое хорошее поведение, вам придется вновь и вновь предлагать поощрение (либо постоянно применять наказание извне). Таким образом, в идеале следует полагаться на «внутренние» поощрения, хотя их сила и не столь очевидна: чувство достижения целей, удовлетворение от работы или поднятие самооценки, самоуважения и адекватная материальная компенсация (Брейтвейт, 1998а: III J2), а также следить за тем, чтобы эти поощрения превосходили преимущества нечестивого образа жизни (например, выручка от кражи, возбуждение в процессе совершения преступных действий и статус в преступном мире).

РАССКАЗАТЬ НАЧИСТОТУ — ПРИЗНАНИЕ

Даже если мы преуспели в обеспечении широкого спектра поощрений, вредное поведение не будет искоренено. Как нам реагировать на случаи его проявления? Одной из общепринятых отправных точек в работе над таким поведением, является попытка воздействовать на отношение, мировоззрение и поведение задержанных преступников. Как я предложил, частично это может базироваться на *внутренних* вознаграждениях, т. е. на тех преимуществах, которые вытекают из определенных действий. Этот метод использует «когнитивную» психологию, в рамках которой людям помогают воспринимать вещи такими, каковы они на самом деле являются в реальном мире, и еще — мыслить. Многие люди, после того, как они встали на «скользкий путь», стараются рационально обосновать свое поведение: они меняют свое мировоззрение таким образом, чтобы оно соответствовало содеянному ими. Это вовсе не помогает им взглянуть в лицо реальности. Социологи вроде Грэхема Сайкса и Дэвида Мэтцы, называют это «нейтрализацией»: люди убеждают самих себя, например, что то, что они делают, не причиняет реального вреда окружающим, что «все это делают», и так далее. Также, было установлено, что многие из людей, совершивших преступления, страдают «когнитивным дефицитом» (МакЛеннан-Мюррей, 1997: 17): часто они импульсивны, их мышление ригидно, они нетерпимы к другим людям, эгоцентричны и имеют слабые способности к абстрактному мышлению или критическому рациональному анализу. Они не замечают момента, когда у них возникает проблема, плохо продумывают различные варианты, слабо понимают последствия их действий для них самих и для окружающих, кроме того, они склонны к поспешным действиям и непродуманным решениям. (Эти качества ни в коем случае не ограничены преступным миром, они часто присутствуют у многих других людей, включая тех, кто вводит в действие законы относительно того, как следует поступать с преступниками. Так же, как многие преступники не думают о том, что их могут поймать, многие политики и прочие сторонники тюремного заключения не думают заранее о том, что будут делать преступники после освобождения).

Таким образом, для того, чтобы изменить их поведение, следует не угрожать, льстить или манипулировать (наказание или награда), не «менять» людей (терапия, лечение), а давать им выбор, помогая им осознать, что они могут получать удовлетворение от многих различных типов поведения в разных ситуациях. Акцент делается не на содержании («Ты должен делать это, а не то»), а на процессе: во-первых, на мышлении (решение проблем, творческое мышление и критический рациональный анализ), и, во-вторых, на использовании имеющихся навыков (управление эмоциями, социальные навыки, эмпатия, способность вести переговоры, умение определять ценности). Это делается для того, чтобы сформировать такой тип поведения, который будет давать внутреннее вознаграждение. Это, конечно, требует соответствующего социума, общества, в котором уважительное отношение друг к другу действительно вознаграждается (например, в контексте устройства на работу, обеспечения жилья или установления отношений), и где действительно существует рациональный выбор. Но даже в том обществе, которое существует сейчас, ученый из Канады установил в ходе исследований, что в группе из 170 человек, совершивших преступления на сексуальной почве (насилыники и педофилы), которые участвовали в Программе обучения рациональному мышлению и реабилитации, количество повторных преступлений *любого типа* было (через год после освобождения) на 58% ниже, чем в контрольной группе. Подобное сокращение в группе правонарушителей, которые совершили преступления с применением физического насилия, и в группе людей осужденных за наркотики, составило, соответственно, 34 и 36% (Дэвид Робинсон, цитата МакЛеннана-Мюррея, 1997: 18).

Такая динамика поведения после отбытия наказания может также определять степень принятия преступника сообществом. Это отважно продемонстрировали основатели Южноафриканской комиссии по примирению и поиску истины, учрежденной в соответствии с временной Конституцией ЮАР,

принятої после окончания эпохи апартеида для «пропаганды национального единства и примирения во имя понимания», за счет:

- установления максимально полной картины причин, характера и степени серьезности грубых нарушений прав человека...
- оказания помощи в амнистировании лиц, которые предоставили полную информацию обо всех соответствующих фактах... которая отвечает требованиям Закона (Закона о пропаганде национального единства и примирении)
- ... восстановления человеческого и гражданского достоинства ... жертв, за счет предоставления им возможности рассказать о нарушениях... и рекомендации мер репарации в их отношении
- предоставления рекомендаций... в отношении создания организаций, поддерживающих стабильное и справедливое общество...

Многие из этих действий были преступлениями по любым понятиям, но многие из них было трудно доказать. Правительство сделало сознательный выбор. Оно могло попытаться привлечь к суду и наказать как можно больше людей — большинство из них отрицало бы предъявленные обвинения, а следовательно, суды и тюрьмы бы переполнились, расходы стремительно возросли, а страна бы раскололась, причем многим правонарушителям удалось бы избежать наказания ввиду недостатка улик. Можно было также попытаться отыскать истину в гораздо большем количестве случаев и помочь раскаявшимся людям интегрироваться в более или менее единое общество. Правительство выбрало второй вариант и, хотя, конечно, оно не добилось полного сотрудничества или всеобщей поддержки, в целом, этот выбор больше отвечал интересам общества, чем первый вариант.

В небольшом сообществе в Канаде, применение методов восстановительного правосудия позволило пролить свет на широко распространенные там сексуальные преступления против детей: те преступники, которые признавали свою вину, приговаривались к испытательному сроку на три года — в течение этого времени специально подготовленные члены сообщества применяли особый комплексный подход для исцеления психологических травм у жертвы, преступника и их членов семей. Таким образом, «мягкое» восстановительное правосудие для сорока человек помогало предотвратить большее количество преступлений, чем «жесткое» правосудие для нескольких человек, которых удалось бы задержать и приговорить в соответствии со стандартным процессом (Church Council, 1996: 14-17, 31-33, 94-95, 154-156; Брейтвейт, 1998а: III О 9).

Термин «рассказать начистоту» или «сделать чистосердечное признание» здесь вполне уместен. Он означает, что человек признает содеянное, причем ему стыдно за свои грязные поступки, но упор делается не на них, а на его признание, которое начало процесс очищения. Имеющиеся свидетельства говорят о том, что мы должны, по крайней мере, попытаться проанализировать возможный результат пересмотра приоритетов системой уголовного судопроизводства в таком же духе: не следует ли нам искать «примирения», вместо того, чтобы добиваться «правосудия»?

Другие люди уделяют большее внимание идее стыда. Некоторые авторы, как Джон Брейтвейт, проводят грань между унижением со стороны окружающих — пусть даже официальных лиц — и чувствами стыда, возникающими внутри, из-за того, что человека вынуждают рассказать о преступлении, а значит понять, и сам поступок и его воздействие на окружающих. Без сомнения, Медиатор более подробно остановится на этом. Существует множество психологических исследований, результаты которых доказывают, что стыд — очень сложная эмоция, которая присутствует во всех аспектах общественной жизни. Я не стану сейчас приводить обзор таких исследований, но скажу, что совершенно четко доказано, что унижение (которое, вероятно, лучше всего объяснить как стыд, который считается чрезмерным и незаслуженным), заставляет человека, которого унижают, реагировать агрессивно, в то время как стыд, который воспринимается как обоснованное и заслуженное ощущение, может формировать основу для ценного и поучительного опыта.

Люди, которые работают с детьми, подтвердили мысль Св. Августина, который говорил: «Мы должны ненавидеть грех, но любить грешника». Одна учительница рассказала, что она советует детям представлять, что у них есть ящик, в котором есть самые различные типы повеления. Они могут вытащить из него такое поведение, которое причинит вред и боль окружающим, а могут выбрать другой тип поведения. После этого другие дети могут описать воздействие такого поведения без навешивания обидных ярлыков на обладателя «ящика» с таким поведением (Алдерсон, 1997: 20).

Традиционная система наказаний полагается на то, что преступник теряет что-то ценное для него (самоуважение, уважение семьи и друзей, дом, свободу). Но если у человека нет ничего из перечисленного, требуются все более жестокие (если не сказать варварские) наказания, чтобы добиться желаемого эффекта. Также, эффект будет более сильным, если наказание исходит от кого-то, кого преступник

уважает (на самом деле, так бывает редко, в особенности, если восприятие преступника можно выразить словами одного из них: «Ты воруюшь копейки, а начальство крадет миллионы» (Спротт и др., 1954: 293)). Любому, кто усомнится в разьедающем воздействии двойных стандартов в высших эшелонах, следует прочитать отчет Си-Эйч Рольфа, который по-прежнему вызывает чувство негодования, даже по прошествии 50 лет. Там говорится о Комиссаре полиции Лондона, который занимал этот пост в 1920-х годах, и который уволил констебля за то, что тот передал коллеге полкроны, в то время как сам постоянно списывал за счет бюджета свои расходы на такси и другие вещи и услуги, не подлежащие компенсации, причем даже своему слуге он платил жалование деньгами полицейского управления (Рольф, 1974: 139-143).

Однако при выполнении предложенных выше условий, нет нужды ни в наказании, ни даже в намеренном унижении, поскольку сам процесс подводит преступника к тому, что он испытывает стыд, и этого достаточно. Исследователи, которые изучили данный процесс, говорят, что репарация только номинально является целью встреч между жертвой, преступником и их семьями, потому что главное — это гораздо более глубокий символический процесс, в котором задействованы «социальные ритуалы уважения, проявления вежливости, принесения извинений и прощения, которые, похоже, возникают независимо от вербальных договоренностей, достигнутых на встрече». Такие встречи дают возможность эмоционального обмена, этот обмен может быть лишь кратким мигмом, он может даже состояться вне места официальной встречи, но становится «ключом к примирению, удовлетворенности жертвы и уменьшению вероятности повторного преступления» (Ретцингер и Шефф, 1996). Если человек испытывает чувство стыда и говорит о нем, может начинаться восстановление связи между преступником и другими участниками встречи. Тогда стыд не является клеймящим и отторгающим, вызывающим гнев или депрессию, как это бывает в традиционной системе судопроизводства. Стыд становится реинтегрирующим чувством.

ПРОШЕНИЕ

Как я упомянул выше, я не хочу заканчивать доклад, не упомянув о еще одном вопросе, пусть даже очень кратко. Психологическое воздействие на жертв преступления, и выбор способа оказания помощи им является отдельной проблемой, и мне потребовалось бы не меньше времени, чем на все остальное, чтобы его осветить. Однако один важный момент, относящийся к идее восстановления ущерба, которую мы обсуждаем, — это вопрос прощения. Позвольте мне заметить, что я подхожу к этому вопросу с психологической точки зрения, а не с моральной или религиозной, и я не стану утверждать, что кто-либо *должен* прощать преступника, не в последнюю очередь потому, что не уверен, что на месте жертвы преступления я сам смог бы простить преступника.

Я просто хотел бы поговорить о том, является ли способность прощать полезной в преодолении обиды и гнева и если да — то можно ли помочь прийти к прощению людям, которые хотят простить, но которым трудно это сделать на практике. Для некоторых этот процесс труден, потому что они не испытали родительского моделирования такого процесса, или потому что они считают, что гнев дает им силу. Важно понимать, что прощение — это *процесс*. Он начинается с осознания нанесенной травмы, которому часто следует начальная реакция, когда человек просто не может поверить в произошедшее. Затем часто следует реакция гнева. (Дальнейшие умозаключения основываются на работе Ричарда П. Фритцгиббонса, 1986, а также, на цитатах Ховарда Зера из работы Флэнигана «Прощать непростительное», 1992). На определенном этапе потерпевший должен решить, как он будет реагировать. Люди, которых обидели, сделали больно или с которыми неправильно поступили, часто испытывают желание взять реванш, пока они не осознают и осмысливают, что это может разрушить отношения и усугубить психосоматическую болезнь. Они могут испытывать желание рассказать их обидчику о том, какой вред он им нанес. Еще в первом веке нашей эры, греческий философ Плутарх и римский философ Сенека говорили о том, что прощение является хорошим способом контролировать гнев. Оно помогает людям оставлять в прошлом болезненное ощущение, способствует примирению в отношениях и уменьшает вероятность того, что гнев будет несправедливо направлен и на другие отношения, что может оказывать очень разрушительное воздействие на самого человека.

Так произошло с одним офицером британской армии, Эриком Ломэксом, которого допрашивали, пытали и держали в тюрьме японские солдаты во время Второй мировой войны. Многие годы он испытывал злобу и гнев, которые мешали ему жить, он просто не мог выбросить из головы все эти воспоминания и жаждал мести. В конце концов, ему удалось найти одного из своих обидчиков и палачей, Нагасе Такаши, и он узнал, что тот испытывал угрызения совести и раскаяние и даже учредил благотворительный фонд, а также был готов искупить свою вину лично. Они встретились и Ломэкс смог простить его. Позже он написал:

Если бы я так и не узнал имени одного из людей, которые пытали меня, если бы они все оставались просто лицами без имен, если бы не узнал я, что жизнь этого человека тоже искорежена, кошмары из прошлого, бессмысленные видения так и остались бы со мной. И я доказал сам себе, что помнить — недостаточно, потому что такая память просто питает ненависть. Когда-то человек должен перестать ненавидеть (отрывок из сочинений Ломэкса, 1995).

Конечно, нельзя гарантировать, что какая-либо из этих сторон отреагирует так же, как в этом случае, и, конечно же, нельзя оказывать на них какое-либо давление, но система должна предоставить такую возможность, ради них обоих. Жертвам и членам их семей следует дать возможность — не забыть, нет, — обрести вновь душевный покой, им можно было бы помочь в этом, если бы некоторым из убийц, которые в настоящее время просто демонизируются прессой, тоже дали возможность раскаяться и на практике сделать что-то, чтобы доказать, что их раскаяние — искреннее.

Хотя прощение — эмоциональный процесс, ему часто предшествует интеллектуальное, рациональное решение отказаться от гнева (такую формулировку некоторым легче принять, чем термин «прощение»). Обучаясь сознательному прощению, пациенты могут выполнять практическое задание, когда их просят потратить какое-то время на то, чтобы попытаться оставить свой гнев, вызванный обидами прошлого, для того, чтобы справиться с обидой, которая существует у них в настоящее время. Когда они начинают на практике делать такие упражнения, им удается освободиться от гнева. Некоторые испытывают вину, если такой процесс затягивается, но те, кому удается простить, могут уже во время выполнения таких упражнений подумать о человеке, на которого они злы, почувствовать эмоциональное облегчение и желание высказать свое прощение прилюдно. Люди, которым удастся все это сделать, обычно ощущают, что сделали важный шаг к возвращению внутренней свободы и построению уверенности в будущем.

ФАКТЫ И СТАТИСТИКА

Государственный служащий

Оратор сам привел большинство данных исследований, но попросил меня рассказать о том, насколько малый процент преступлений заявляется, регистрируется и расследуется. Британский обзор преступности (BCS) постоянно демонстрирует, что заявления поступают не более чем о половине преступлений, в которых потерпевшим является частное лицо, а из них полицией регистрируется также не более половины (МВД, 1995: 25). С другой стороны, здесь существует дифференциация по типам преступлений. Практически обо всех случаях угона машин поступают заявления — это вызвано соображениями страховки. Также, регистрируется высокий процент ночных краж со взломом — по тем же причинам. Уменьшение соответствующих показателей в официальной статистике может означать, что теперь меньшее количество людей может позволить себе страхование имущества, а, следовательно, когда имущество крадут, у них нет стимула заявлять в полицию.

Еще одним фактором, имеющим отношение к тому, что говорил Психолог, является процент зарегистрированных преступлений, которые были раскрыты. Раскрывается примерно девять из десяти убийств, три четверти насильственных преступлений или преступлений на сексуальной почве, и менее одной четверти краж, ограблений, краж со взломом и случаев преступного нанесения ущерба. В среднем, показатель для всех типов преступлений составляет примерно двадцать пять процентов.

ДИСКУССИЯ

В. Психологи, как и юристы, фокусируются обычно на человеке, совершившем преступление, но, как социолог, я хотел бы напомнить вам, что преступления совершаются в социальном контексте. Что говорит нам психология о «преступлениях сильных мира сего», последствия которых могут быть очень серьезными (например, загрязнение окружающей среды, мошеннический отъем сбережений у населения, а в некоторых странах — военная диктатура или тирания), включая и косвенные последствия, такие, как дурной пример для подражания? Тут сложно что-то доказать, но и отрицать этот факт невозможно. Такими преступниками движет явно не бедность. Конечно, некоторые из них, возможно, страдают от расстройств социальной адаптации, психопатии и прочих отклонений, которые типичны для обычных преступников. Как и другие люди (некоторые скажут, что и побольше, чем другие), они имеют тенденцию дорожить тем, что у них есть, и понимают, что если сокращение количества факторов, заставляющих людей совершать преступления, будет означать более равное распределение материальных благ, им достанется меньше, чем есть сейчас.

О. Да, нейтрализация здесь, вероятно, тоже является одним из факторов: «Радиационный фон — естественное явление природы, поэтому ущерб от его увеличения пренебрежимо мал», «Не моя вина, что они вложили все свои сбережения в мою финансовую схему», «Это не запрещено законом». Без сомнения, промышленным магнатам выгодно, чтобы преступления на почве секса и насилия вызывали газетную шумиху, хотя я не думаю, что они настолько хорошо умеют манипулировать массами, чтобы целенаправленно провоцировать преступления.

В. Если, как вы говорите, неотвратимость наказания — сдерживающий фактор, не следует ли более активно преследовать по закону преступления против законодательства о здравоохранении и безопасности населения, охране окружающей среды и уклонения от уплаты налогов?

О. Безусловно, эти преступления не должны оставаться без внимания, но я считаю, что судебное преследование нужно оставить в резерве, как крайнюю меру. Результаты показывают, что инспекторы знают, что они делают, когда выбирают восстановительный подход, то есть, подход, основанный на компенсации ущерба, а не на простом наказании преступников. Это дает свои результаты. Когда Институт эксплуатации ядерных установок сменил политику простого контроля за выполнением правил на политику конструктивного диалога об обеспечении нужных результатов, количество автоматических аварийных остановок в США сократилось с семи для каждого энергоблока в 1980 году до одного в 1993 году. Администрация по вопросам техники безопасности и охраны здоровья при эксплуатации шахт обнаружила, что увеличение количества инспекций на 25% привело к сокращению количества несчастных случаев со смертельным исходом на шахтах США, на 7–20%. В то же время, количество наказаний не приводило к уменьшению числа несчастных случаев. В австралийских домах для престарелых, где инспекторы применяли подход «клеймления позором», наблюдалось только ухудшение соответствия стандартам ухода за пациентами, а кроме того — развивалась культура внутреннего сопротивления и неприятия регулирующих требований в данной отрасли. Там же, где инспекторы были более терпимы, ухудшение было менее существенным. Однако наилучшие результаты наблюдались, если инспекторы прибегали к философии реинтегрирующего стыда. Медиатор более подробно остановится на этом, но вкратце это означает, что руководителям следует объяснять, что им нужно улучшить работу, но, в то же время, нужно позволить им сотрудничать в таком деле, а также поощрять их за обеспечение соответствия требованиям (Брейтвейт, 1998а).

В. Не следует ли сажать в тюрьму «беловоротничковых» преступников точно так же как и обычных правонарушителей?

О. Тут все как раз наоборот. Я считаю, что нам нужно найти способ применять восстановительные методы для того, чтобы и обычных преступников не сажали в тюрьму, а напротив, реинтегрировали их в общество.

В. Не согласитесь ли вы с утверждением, что люди в обществе просто могут успокаивать свою совесть, которая мучает их в связи с их собственными незаконными или неэтичными поступками, — успокаивать за счет намерения выпустить всех преступников из тюрем?

О. Да, и, что любопытно, тюрьма является микрокосмосом окружающего мира. Один преступник, совершивший преступление на сексуальной почве, сказал, что уголовники, считающие себя элитой преступного мира, наносят вред собственным семьям, потому что совершают поступки, за которые их сажают в тюрьму, и успокаивают свою совесть тем, что отыгрываются на людях, осужденных за изнасилования и другие сексуальные преступления, однако он (этот преступник) заткнул им рот, «напомнив им, что (за счет того, что они садятся в тюрьму на долгий срок), они сами причиняют своим женам и детям больше вреда, чем я когда-либо мог бы» — а так же применив собственные «кулачные навыки» в целях самозащиты (Письмо в Лигу реформ карательной системы (Лига Ховарда), 10 февраля 1978).

В. Многие согласятся с замечанием епископа Кентерберийского, по поводу которого вы так едко прошли, то есть, с тем, что отшлепать ребенка любя — вполне приемлемое дело. Конечно же, родители должны отшлепать ребенка, если он выбегает на дорогу или пытается сунуть пальцы в розетку, чтобы он научился избегать опасности, разве не так?

О. Безусловно, родители, которые отшлепали ребенка, должны сразу же после этого продемонстрировать ему, что они его любят, но дело в том, что шлепать-то необязательно. Ребенок почувствует тревогу родителей и так, когда они бросятся к нему, чтобы увести его прочь от опасности. Так или иначе, детей часто шлепают и совсем в иных ситуациях. Подобные аргументы использовались (взрослыми людьми, естественно) в Швеции, когда вводился закон против битья детей. Но когда детей пригласили на телевидение, и они рассказали о том гневе и фрустрации, которые они ощущали, когда их били взрослые, люди начали понимать их точку зрения.

Продовження читайте у наступних номерах.